

Элина Наумова

*Прихожан
нарасхва*

(Полина и Измайлов)

Эллина Наумова
Прихожанка нарасхват

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18401442

ISBN 9785447474010

Аннотация

У Полины, как всегда, все наперекосяк. Утром один юноша умолял спасти его от гибели. Вечером она сама кинулась на помощь другому. И едва унесла от него ноги. Как говорили когда-то, бывает хуже, но реже. Только на следующий день выяснилось, что хуже некуда.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	32
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Прихожанка нарасхват
(Полина и Измайлов)
Эллина Наумова**

© Эллина Наумова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Год назад у главного редактора газеты, в которой я имею глупое удовольствие работать, тяжело болела жена. Эта подвижная оптимистка без грамма лишнего веса давно выздоровела, а шеф все не слезал с медицинской темы. В глубине души он подозревал врачей во всех смертных грехах, однако на словах сочувствовал по поводу условий их благородного труда и размера зарплаты. Когда потенциальные собеседники начали бросаться врассыпную при виде жаждавшего общения бедолаги, дабы не накачиваться сведениями о койко-местах и сроках госпитализации, инстинкт самосохранения подсказал ему, что пора превращать бесплодную депрессию в творчество. Почему-то в мое.

– Полина, – усталым голосом недооцененного гения сказал редактор, – выбери какую-нибудь загруженную клинику для обычных пациентов и продержись сутки в хирургическом отделении. Жду правдивого отчета.

– Те, что для обычных, все перегружены, – немедленно начала практиковаться в правдивости я. – Если нужно конкретное медицинское учреждение, говорите сразу.

– Я сказал, любую.

Выбери... Пришлось снова менять золото дружбы на медь взаимовыгодных услуг, чтобы проникнуть, куда послали. Я продержалась и написала. Он отказался печатать. Почему, спрашивается? Чистая же правда, что у тридцать лет оперирующего доктора наук дрожали руки, когда он подносил скальпель к сделанной йодом на животе пациента разметке. Я и не предполагала, что профессионалу трудно начинать резать плоть. Зато, как резал! Люди карандашом по бумаге, пальцем по стеклу неуверенней водят, чем он скальпелем по телу. А в соседней операционной к бригаде хирургов подошел припозднившийся седенький и хроменький консультант, выслушал краткое содержание истории болезни, заглянул во внутренности больного на несколько секунд и тихо произнес:

– Ребята, не горячитесь, не стоит оставлять мужика без желудка, молодой еще.

– Не получится иначе, – возразили ему хором.

– Попробуем.

Дальше старик говорил, что делать, иногда указывал зондом, где, и подсказывал, как. А «ребята» – матерые хирурги с кандидатскими степенями – старательно исполняли.

– Если бы мастер совсем не явился, отхряпали бы человеку жизненно важный орган полностью? – сварливо полюбопытствовала я, выползая в коридор следом за анестезиологом, одновременно сдирая маску, промокая шапочкой струящийся по лбу пот и усмиряя дурноту.

– Между нами, надежнее было бы, – бросил он, приняв меня за тупую практикантку.

Клиника была старой, тесной, корпус с учебными комнатами давно и безуспешно строили, и группа студентов примостилась заниматься в уголке ординаторской. Под конец вялого опроса туда ввалился проведший десять часов у операционного стола врач, не глядя на будущих коллег, разделся до пояса, выпил глоток неразбавленного спирта и жадно съел поданную медсестрой на сковороде жареную картошку. К корнеплодам с растительным маслом не подавалось ни мяса, ни даже хлеба. «Мамочка, только в психиатры», – пробормотал один впечатлительный парнишка. Я почувствовала, что маму нужно заменить немедленно, пока опрометчивое решение не стало мечтой жизни, и шепотом рассказала, как мою знакомую докторицу в дурдоме расшалившиеся пациенты столкнули с лестницы – до сих пор опирается на костыль при ставшей весьма неспешной ходьбе. «Тогда в кого»? – доверчиво спросил студент. «В организаторы здравоохранения», – предложила я. «Спасибо, – прочувствованно поблагодарил он и легкомысленно добавил, – целую ручки».

Кстати, в группе было шесть девочек и три мальчика. Побеседовав со мной, нежный мамсик начал ошупью то ли пересчитывать в кармане купюры неизвестного достоинства, то ли вслепую писать смс-ки. Двое других классически играли в морской бой, прикрывшись учебником. Пять девиц забыли про преподавателя и откровенно любовались торсом атлетически сложенного хирурга. И лишь одна умница добросовестно заполняла тетрадь показаниями к оперативному вмешательству при заболевании какой-то редкой гадостью и осмысленно пялилась в рентгеновские снимки...

– Милая зарисовка с натуры, – буркнул главный редактор. И упрекнул: – Ты не смогла подняться от частных проблем к общим проблемам современной медицины. А про больничную долгострой уже только неграмотный не писал.

Я объяснила, что медицина, как наука, это отдельная волнующая тема. То же, что он подразумевает под головной болью врачей, является проблемами экономическими и политическими. И до них я опускаться не захотела. Бесплезно. Редактор верит в воспитательную роль печатного слова и моих отказов воспитывать взрослых сограждан не любит. По своему обыкновению я постаралась скоренько забыть о напрасном труде. Запрещала себе думать о докторе, чтобы не раздражаться.

Но проигнорировать возникшую однажды на пороге подругу Настасью, хирурга по специальности, было нельзя. Она вытащила из сумки склянку все с тем же спиртом, на этикетке которой значилось «настойка пустырника», затем, поколебавшись, бутылочку «Фанты» и попросила:

– Поль, сообрази чего-нибудь поесть. Оно, конечно, можно и без закуски. Но, как потом чувствовать себя приличной женщиной? Представляешь, очередной мой больной оказался оборотнем. Его вообще неоперабельным консилиум признал. Я переругалась с коллективом, будь он неладен, настояла, взялась, вытащила с того света, лет десять жизни подарила. А, если сам потрудится, диета там, режим, и, если повезет, все пятнадцать протянет. Он на обходах рыдал, клялся за меня молиться. Стоило выписаться, настроил кучу жалоб – или не то откромсала, или зашила в него свои трусы и лифчик. Теперь начнутся разбирательства, нервотрепка. А коллеги хи-хи ловят и твердят про наказуемость инициативы.

Я сочувственно вздохнула и пошла варить пельмени.

– Выпить хочешь? – крикнула мне в спину Настасья.

– Нет, спасибо. Я с вашего чистого продукта дурею.

– Тогда сама управлюсь.

Я прикинула количество спирта и решила, что вполне. Еще и мало будет – Настасья отлично тренированное существо.

К моменту появления тарелок обиженная спасительница уже не ярилась, а жаловалась:

– Тоже мне, нейролептик! Где эффект? Даже, как аперитив, не подействовал. Никакого расслабления. Только хуже стало.

– Терпи, подруга, рано или поздно докатит твоё лекарство до нервной системы, успокойсь.

– Терплю. И не вздумай давать мне добавки пельмешков. Буду просить, оглохни. И так сестра-хозяйка мерзко ухмыляется, когда униформу выдает.

– Ура, подруга, если возникли мысли о повторе горячего, значит, как аперитив, уже подействовало.

Мы поели, Настасья мужественно отвернулась от стола, я быстро собрала посуду и принесла кофе. Тут раздался длинный звонок в дверь.

– Ты кого-нибудь ждала? – сердито спросила не насытившаяся Настасья.

Будто грядущее нашествие гостей могло изменить ее планы пообедать у меня и заплакаться.

– Никого.

– Тогда не открывай. Сейчас твой дом – моя крепость.

Но трезвон возобновился.

– Иди сама и пошли любого, куда подальше, – предложила я Настасье.

Она смертоносной пулей вылетела в прихожую и через пару минут позвала:

– Поля! Поля! Да поторопись, черт тебя дерит! Смотрю в глазок и вижу, как он сползает на пол. Открыла, он сует мне паспорт и закликает помочь – плохо с сердцем. Говорит, мать на его глазах от такого же приступа скончалась. Документы я, разумеется, пролистала. Его.

На тумбочке для обуви загибался молодой человек лет восемнадцати в коричневой кожаной куртке. Он был очень бледен и хватал ртом воздух.

– Для начала «Корвалол» нужен, – сказала Настасья, посчитав пульс и как-то судорожно отдернув пальцы от запястья неожиданного пациента. – А потом кардиологическую бригаду вызовем.

– У меня нет. Пойду, попрошу у соседки.

– Шевелись, Поля, он действительно плоховат. И учти, мне понадобится капель сорок, а не две-три.

Перспектива кудяхтать над трупом незнакомого человека в собственной прихожей впечатлила. Однако вскоре я вернулась в квартиру, сунула Настасье пузырек с лекарством и бездушно набросилась на парня, у которого за время моего отсутствия полиловели губы:

– Значит, сердце расшалилось? Прямо-таки расхулиганилось? А, почему по подъезду носятся люди в камуфляже, бронжилетах и с автоматами? Они живо тобой интересуются. Пригласить?

– Бога ради не надо, – прохрипел страждущий, – я все объясню...

– Не сейчас, – постановила Настасья, успевшая пропитать «Корвалолом» кусок сахара.

Она ловко сунула крошащийся кубик рафинада парню за щеку и скомандовала:

– Поля, взяли, понесли. Его необходимо уложить и укрыть. Вперед.

– Ладно. Надеюсь, он никого не убил и ничего не взорвал, хотя народу по его душу нагнали, будто знатный террорист, – покорила я.

– Не по мою, – еле ворочая языком, заверил меня сердечник.

Доктор стянула с него куртку, и мы волоком транспортировали тяжелое тело к лежанке. Не хотела бы я служить армейским санинструктором. Он еще ухитрился залезть в карман джинсов, извлечь мятую сторублевую купюру и предложить Насте за услуги. Она мастерски выматерилась. Мальчик извинился и убрал деньги.

«Опять лезу в неприятности, вполне вероятно, укрываю преступника. Настасья только за себя отвечает, а у меня ребенок». Мысль проскочила, юркнула куда-то и затаилась во мне до худших времен. А ощущение, будто она не мысль в голове, а мышь в кухне, осталось. Я, как многие другие люди, перекрестилась и нырнула в разлитые судьбой обстоятельства. Очень важно погрузиться полностью – после уже не страшно.

Что бы ни говорили о болезненности нынешнего молодняка, очухивается он быстро. Попробуй «практически здорового», как выражаются медики, сорокалетнего реанимировать нехитрыми средствами, вроде «Корвалола» и теплого пледа. Наш новый приятель оклемался минут через пятнадцать. Упросил не торопиться с вызовом неотложки и поведал о своих приключениях. Вчера после дискотеки он проводил домой девушку, сегодня после полудня явился спеть ей серенаду. Откуда ни возьмись два парня в коричневых кожанках. Привязались: «Кто, куда, зачем»? Не успели разобраться, понаехали менты с ОМОНОм. Собеседники немедленно заткнулись и кинулись бежать в разные стороны. Он тоже бросился в подъезд. На третьем этаже понял, что умирает, из последних сил потянулся к звонку ближайшей двери.

Каюсь, я плохо подумала о соседях, которые из жадности отказались от установки домофона, собрали деньги только кодовый на замок, а теперь не трудятся захлопывать дверь.

Противно вспоминать, как активисты гундосили на собрании: «Господа жильцы, никакое дорогостоящее устройство не обеспечит нашу с вами безопасность. Хорошего замка вполне достаточно при условии бдительности каждого квартиросъемщика. Если чужой норовит прорваться за вами в подъезд, узнайте, к кому он направляется». «Удостоверение личности требовать? И, ежели, мерзавец молча прорвется, орать благим матом или через ступеньку скакать домой, и вызывать полицию?» – потребовала уточнений я. «Серьезнее надо относиться к общественным проблемам», – надоумили меня.

Я взглянула на севшего с помощью Настасьи мальчика и опомнилась. Он мог врать. А мог говорить искренне. В конце концов, сердечный приступ второго варианта не исключал. Оказался неудачник не в ту пору не в том месте, да еще на свою беду вырядился в коричневую куртку. Пока в полиции разобрались бы, у него могла наметиться новая статья расходов. На искусственные зубы. Для очистки совести я спросила:

– Разве кошмар с делением по месту жительства на своих и чужих еще не кончился? Разве свобода передвижения не восторжествовала?

– По дворам нет. И никогда не восторжествует, – окрылил меня незванный гость. – Сами посудите, ютится человек в двухкомнатной с родителями, бабушкой и сестренкой. Ему же хочется расширения. Он и действует по принципу моя улица, мой район.

– Брось. По-твоему, предполагается, что в дальнейшем хулиганы перебесились, повзрослели и обрели способность мыслить категориями «мой город, моя страна, мой мир»?

– Случается. И не редко.

– Нет, на самом деле речь идет о сомнительном праве бесчинствовать на определенной территории, – уперлась я.

– Должны же где-то будущие налоговые инспекторы открывать в себе талант и вкус к профессии. Шучу, извините, для вас это, похоже, серьезно. Да, простенькое деление по территориальному признаку дает повод обирать и грабить, – кивнул разумный больной.

Я не успела прицепиться к словам о сборщиках налогов.

– Поля, – возопила Настасья, – отстань от него. – Покорми лучше.

Мальчик начал отказываться, но я ослушаться врача не посмела. Он ел пельмени из вежливости, тяжело глотая. По вискам змеились струйки пота, пальцы подрагивали. Я его жалела – неизвестно, что труднее, голодать или есть насильно. Настасья согласно качала растрепанной головой, будто давиться пищей вменялось ему в обязанность и способствовало выздоровлению. Я снова положились на ее профессионализм. А подозрение о банальной наркотической ломке оставила при себе.

Поев, мальчишка порозовел и, вроде, дышать стал глубже, но тише. Забеспокоился:

– У вас есть телефон? Можно вызвать такси? Мне бы исчезнуть незаметно. Хотя так вряд ли получится.

Последняя фраза легко переводилась: у него не хватало денег на мотор по вызову. И боялся он до умопомрачения, это тоже было очевидно. Незадолго до его появления мы с Настасьей отчитались друг перед другом во временной неплатежеспособности, поэтому даже вскладчину не могли обеспечить юноше поездку в автомобиле с шофером. Все шло к тому, что мне придется раздобывать для него средства попрошайничеством. Настасья мазнула взглядом по моей кислой физиономии и решительно поднялась:

– Тебе противопоказан запах бензина. Наоборот, показана прогулка по свежему воздуху в сопровождении доктора. Я доведу тебя под ручку до метро и уверюсь, что не возникла нужда в скорой. Поль, выгляни с балкона, омовцы убралась?

Я с интересом понаблюдала, как они, родимые, грузилась в микроавтобус. Субъектов в наручниках с собой не тащили. Заверила желающих тронуться в путь:

– Отход свободен.

Парень принялся горячо благодарить нас с Настасьей. Она посоветовала ему не расходовать энергию:

– Ты съел недостаточно много пельменей для болтовни.

– Кроме вас никто не открыл бы дверь. Вы не от мира сего, вы замечательные, – захлебнулся он.

– Спасибо, конечно, но ты преувеличиваешь жестокость мира, – усмехнулась моя подруга. – Идем, иначе я вынуждена буду взять тебя не под руку, а за шкиряк.

– За шкирку, – машинально поправил он.

Прощание невыносимо затягивалось, но мы еще обменялись пожеланиями здоровья и удачи.

Через час Настасья позвонила и сообщила, что ее пациент бодро скрылся в подземке и был таков, а сама она уже в норме. Я выразила бурную радость по последнему поводу, обозвала врачевание крестом и спросила:

– Настя, есть на свете врачи, способные пройти мимо умирающего?

– Поля, есть на свете журналисты, способные не задать вопрос, когда знают ответ? – парировала Настасья и сладко зевнула в трубку.

Я прильнула к компьютеру. Но оказалось, за одолженный «Корвалол» надо платить. Соседка сама явилась за остатками лекарства, взвесила его стеклянное вместилище в руке и нашла адекватный способ возмещения ущерба:

– Поленька, я себя неважно чувствую. Не выгуляете вечером Пончика?

Что мне было делать? Пончик – горластый и своевольный английский кокер-спаниель с шикарной родословной. Вообще-то у него не произносимо сложное имя и куча медалей. Помнится, зимой дворовые отморозки повадились забрасывать его громадными снежками. Пес визжал от боли и обиды, соседка умоляла «добрых в душе деточек» не издеваться над животным, начинающие, да какое там, бурно продолжающие садисты ржали, а на следующий день продолжали развлекаться. И однажды хозяйка вывела кокера, увешанного высокими регалиями до земли, и обратилась к опешившей шпане с краткой речью:

– Если вы, ублюдки, нанесете малейший урон здоровью этого чемпиона, ваши родители до гробовой доски со мной не расплатятся. Вы вместе взятые столько не стоите и никогда не будете, сколько он.

Больше никто не смел покушаться на сэра Пончика.

Спаниель ненавидит хозяйку до глубины темной собачьей души. Вероятно, считает плебейкой. Она его, как положено, обожает. Что не мешает даме поручать выгул несносного длинноухого деспота то десятикласснику из небогатой семьи за «посильное для пенсионерки вознаграждение», то девочкам с седьмого этажа, чтобы «не стояли шлюхи шлюхами, а за хорошей собакой присматривали». И вот дошла очередь до меня. Мне дико захотелось выхлебать остатки лекарства, чтобы не зря страдать. Остановила мысль о последствиях: еще откажется ждать до завтра, пока я куплю в аптеке «Корвалол», а пошлет за ним сейчас с заходом во все окрестные магазины. И я пообещала в десять вечера сопровождать великолепному Пончику. Блаженство, обозначившееся на не раз подтянутом лице соседки, описанию не поддавалось. Чему она так радовалась? Пончик – не лев в ошейнике, справиться можно. Неужели любое отсутствие сопротивления, всякое мирное согласие уважить просьбу дама рассматривала, как свою победу над тем, кого просила? Страшное создание. «Не усложняй. Пусть хоть кто-нибудь без усилий добивается своего и испытывает приступы счастья», – подумала я. Легче не стало, наоборот. Пришлось работать, чтобы совсем не сникнуть.

Стемнело, последние числа ноября. Я уже осатанела от статьи, в которой меня мотало от разнузданного морализаторства к воспеванию порока и обратно. Попыталась переключиться на рекламу майонеза, тоже не преуспела. Обычно анонимное участие в усовершенствовании двигателя торговли меня забавляет, а при получении гонорара еще и веселит.

Но тут почему-то тоска взяла, и потянуло убедить потребителя в том, что эта заправка вредна для здоровья. Нет, опасна для жизни. Странно, только утром я вдохновенно промурлыкала рекламодателю такой панегирик майонезу, что мужик прослезился, схватил меня за локоть и воскликнул:

– Вы одна способны создать шедевр о нашем продукте.

Я не заблела от скромности. Но сейчас, вечером, могла бы бесплатно удружить каждому майонезоненавистнику. «Одевайся и дуй за Пончиком», – велела я себе. Потому что возникшее вдруг желание подстегнуть фантазию, то есть попросту нажраться бородинского хлеба с майонезом и солеными огурцами было чревато внеплановым разгрузочным днем. А мне и плановые-то в тягость.

Во время передачи из рук в руки красавец пес скулил и лаял от нетерпения. Его рвение поскорее облегчиться и вытворить какое-нибудь непотребство на воле подействовало на меня благотворно. В конце концов, желание есть жизнь, а выполнимое желание – отличная жизнь. Я начинала завидовать спаниелю.

– Только не спускайте дьяволенка с поводка, – предупредила соседка. – Свобода сводит его с ума, он становится неуправляемым.

Кого-то Пончик мне напоминал в связи с этой своей особенностью.

Учитывая мое настроение, нетрудно догадаться, что я поступила наперекор, едва коснулась подошвами асфальта. Спаниель недоуменно взглянул на меня, подпрыгнул, благодарно лизнул руку и ринулся гулять по-настоящему.

Из-за угла дома выглянул мальчик лет шестнадцати. Черная вязаная шапочка была натянута так низко, а глаза излучали такую настороженность, что я сразу решила: оказался зачем-то в чужом районе и отчаянно трусит перед рывком к остановке через два двора. Во мне разыграло нерастраченное на перенесшего сердечный приступ парня человеколюбие. Способ спасения бедных подростков был подсказан Настасьей. Я сделала десяток шагов и повернула за угол. Так и есть, молодой человек напряженно держался в тени лоджий и не шевелился.

Я приблизилась и тихо спросила, не нужна ли помощь. Дескать, понимаю его состояние и готова проводить. Тем более, у меня собака, которую в округе все знают. В крайнем случае, пообещала поклясться местным хулиганам, что он мой родственник. Пугливый юнец охотно закивал и коротко сипловато поблагодарил. Пончик благородно позволил изловить себя в кустах и взять на поводок. Он уже натягался вволю. Нетрудно было догадаться, что заласканный пес боялся одиноко носиться во тьме и заходился лаем от ужаса, слыша далекий рык крупных собак. «Ладно, звери гонят соперников с территории, на которой кормятся и спариваются. Но люди, почему, туда же? Или просто оттуда же?» – шепотом обратилась я к Пончику, потому что, когда волнуясь, не люблю молчать. А портить чуть исправившееся настроение парнишки неоригинальными сентенциями не решилась.

Мы шли по диагонали большого, кое-где утыканного грибка и горками прямоугольника земли, напрямик. Справа маячили ряды кирпичных и железных гаражей, за которыми возвышалась приличная с виду четырнадцатизэтажка. За ней простирался пустырь, испещренный тропками к троллейбусной и автобусной остановкам и метро. Меня всегда поражало, как бестолково передвигаются люди. Казалось бы, выбери кратчайший путь и следуй. Но нет. Утопанные не одной парой ног дорожки немислимо петляли, словно уводили в никуда и возвращали из ниоткуда. Парню следовало объяснить, что до поездов по подземному переходу тащиться было порядочно. И, если везло с наземным транспортом, мы предпочитали пользоваться им одну остановку. Я незаметно ощупала карман. Денег в нем, разумеется, не выросло, зато, проездной на метро спутнику можно было подарить.

Где-то впереди раздалась возбужденные мужские голоса – смех и бравурные выкрики. Парнишка заметно ссутулился, втянул голову в плечи и легко подтолкнул меня в темное

узкое пространство между гаражами, которые мы собирались миновать. Я-то вписалась, а вот Пончик обо что-то споткнулся аристократической лапой и базарно заблажил.

– Умолкни, собака-бояка, – сдавленно велел провожаемый.

Чтобы сохранить наше укрытие в тайне, я спустила Пончика с поводка. Скандальный пёс ринулся назад к подъезду с истерическим гавканьем, будто звал на помощь.

– Переждем здесь, пока враги пройдут, – тихо объяснил свой маневр парнишка.

– Да, да, – успокоила я его. – Надеюсь, к тому времени и Пончик вернется. Иначе придется беглеца искать. Нескладно как-то получилось, ведь хотели проскочить незаметно.

Мальчика явно трясло. Он вопросительно поглядывал на меня, будто внутренне порывался, но не решался что-то сделать. Мне стало его нестерпимо жалко. Он пытался героизировать, а героизм его заключался в том, чтобы не заплакать. Почти мужчина. Полезен ли ему этот опыт отчаяния от собственной слабости? Не повадится ли он вымещать свои обиды на беззащитных? Надо было напомнить ему о светлых сторонах бытия, растворить его личный негатив во всеобщем позитиве, как выражается один мой знакомый меланхолик. И меня понесло. Он нервно прислушивался к неумолчному гомону подгулявшей компании, а я разглагольствовала о количественном преобладании хороших людей над плохими, чести, совести, достоинстве, душевности и духовности. Я надеялась, что загнанный человек выберет что-то, подходящее именно ему и именно в данный момент.

Я увлеклась. Сама поверила, будто все доброе и чистое хранит нас, вынужденно застрявших между замерзшей ноябрьской грязью и мелкими синими звездами. Поэтому, когда юноша притянул меня к себе и грубо предложил кончать базарить и пошустрее трахнуть, я оторопела.

– Спятил, мальчик? Я с тобой по-человечески. А ты?

– А я че? Сама подвалила.

И только тогда я сообразила, кем на его неуловимый бегающий взгляд являлась. Двадцатишестилетней сексуально озабоченной шизухой, снимающей во дворе юнцов. Я начала активно вырываться и обнаружила, что руки у малолетнего чудовища крепкие, и мужичком от него разит за версту.

– Немедленно отпусти, или я заору.

Мы стояли близко друг к другу, замахнуться он не мог, поэтому ударил меня по щеке слабо и неуклюже. В глазах обидчика метнулось сомнение, будто он не был уверен, стоило ли меня бить. Я вывернулась и быстро пошла по тропинке к дому. Он поравнялся со мной, попытался поймать за руку, грязно выматерил. Я шагала вперед, глядя под ноги, наращивая темп, но, стараясь не бежать. Постепенно он отстал. Ко мне, поскуливая и виляя хвостом, бросился Пончик. Я погладила пса и оросила его качественно обработанную парикмахером макушку первой и последней по возникшему поводу слезой. Отвела родовитую тварь хозяйке, категорически отказалась от чая и не заметила, как очутилась на своем диване. Мне бы задыхаться от негодования, а я ничего, кроме гнетущего удивления не чувствовала.

Вскоре шок миновал. «Сволочь, подонок, мразь, – забухтела я, – урод безмозглый». Но уже через несколько минут выяснилось, что мне на него наплевать. Он был данностью, улучшению подлежал, но не поддавался. И абсолютно правы те, кто прилагает максимум усилий, чтобы прожить жизнь, не сталкиваясь с подобными типами. Я впервые не испытывала благоговения перед людьми, возящимися с трудными подростками. Подумала: «У них же у всех поголовно – мания величия. Нормальный человек никогда не возьмется исправлять столь очевидный брак. Те, кто этих выродков использует, гораздо умнее и честнее». Я понимала, что порю чушь, которая меня не утешит. Мне была неприятна столь скорая переоценка незыблемых, казалось бы, ценностей, едва тронули мою собственную шкуру. Но, что делать, если серьезно волновала себя я одна. Дебилка! Пристала к дворовому хулигану и предложила ему защиту от него же! Воистину, «все это было бы смешно, когда бы

не было так грустно». Да не грустно, а мерзко и гадостно. Во-первых, что же я из себя внешне и интеллектуально представляю, если сопляк посмел такое вытворить? Во-вторых, невыносимо было представлять, как завтра он примется показывать на меня пальцем и рассказывать приятелям: «Продинамила меня, сучка, и получила по морде». Не знаю, почему в тот момент меня вдруг озаботила репутация в среде подобных ему недоносков. Наверное, я уже догадываюсь, что мир на три четверти состоит из таких созданий, хоть и не признаюсь в этом ни себе, ни другим.

Я вспомнила, как отдавалась будущему мужу. Он, обольщая, сбивчиво втолковывал мне, что можно и удовольствие получить, и девственность сохранить. «Нет, давай полностью и бесповоротно. Бога не обманешь, а на людей мне чихать», – лихо поддалась соблазну я. Теперь подумалось: «Муж, пусть мы и в разводе, к моим проблемам относится трепетно. Он крутой бизнесмен, и его охранникам ничего не стоит разобрать гада на запчасти». На секунду стало весело, а потом я снова приуныла. Поведать экс-супругу о своем дворовом вечернем похождения никогда не решилась бы. Еще изолирует меня от сына. Он и так боится, что, я забиваю голову ребенка «сплошным гуманизмом», вроде того, что проповедовала за гаражами.

Вынуждена признаться, что мужа, как потенциального защитника и мстителя, я вспомнила, но у меня и мысли не возникло пожаловаться любовнику, полковнику полиции Виктору Николаевичу Измайлову. Этот не стал бы лечить мои расшатанные нервы в дорогой клинике. Он из милосердия придушил бы меня – быстро и почти безболезненно. Потому что надежд на мое выживание при склонности к столь дурацким выкрутасам у него почти не осталось.

Не сумев доказать себе, что мальчишка недочеловек, я стала вспоминать зрелых образованных людей, которые вели себя примерно так же. Приплела сюда и профессоров, оценивающих на экзаменах качество совокупления с собой, и начальников, помогающих смазливых подчиненных выговорами и лишением премий, и мужей, часто в сущности насилующих жен... Не то. Мне не давала покоя собственная проявленная инициатива. И еще час я занималась самоедством. Слышала, будто голодные попугаи питаются собственными клювами. Бр-р-р. Но из той же оперы. Засыпая, подвела итог: надо было не выпендриваться, а приложиться к спирту Настасьи. А то: «Я от вашего чистого медпродукта дурею!» Куда дальше дуреть? Тогда у меня хоть оправдание было бы – пребывала во хмелю, неадекватно воспринимала окружающих. Я снова обалдела. Полночи колупать душу, чтобы кончить таким выводом? Обалдевшая и заснула. И отдыхала без тревожных сновидений. Не зря Измайлов называет меня крайне легкомысленной особой.

Глава вторая

В восемь утра надрывно заскулил дверной звонок. Этот звук мог вогнать в уныние любого сангвиника. Я и не замечала, что сигнал о приходе гостей в дом настолько противен. Как еще не набрасываюсь на визитеров с кулаками, интересно?

В прихожую вошли мама и мой шестилетний сын Всеволод. Мама лучезарно улыбалась. Севка обиженно сопел, будто отказывался понимать, зачем его сюда притащили. Я стояла перед ними босая и хмурая.

– Поля, дочка, ты просыпаешься для того, чтобы хандрить? – изумилась мама.

– Нет, для того, чтобы бороться и искать, найти и не сдаваться, – отчиталась я.

– Тогда я за тебя спокойна, – посерьезнела на миг мама. – Папа рано уехал в офис, а мне надо на йогу. Севушкино присутствие на занятии нежелательно. В прошлый раз он сказал Ольге Борисовне: «О, за такую жопу грузин на базаре мешок лука дает»...

– Всеволод! – обомлела я.

– Не трудись, дочка, мы уже все обсудили. Он слышал эту фразу от мальчишек в парке и счел ее смешной. Мальчишки дрянные, Севушка хороший, поэтому впредь произносить бранных слов не будет.

– Мама, ты уверена, что твоей мотивировки достаточно для не повторения, так сказать...

– Уверена, – перебила мама. – Он – наиодареннейший малыш. В его возрасте столь точно распознать размер зада, с которым выгодно посещать базар!

Бабушка и внук друг друга стоили. Она унеслась совершенствовать фигуру и обрести покой. Он уселся на кухонный стул и потребовал какао. Дня три будет подкладывать под мягкое место правую ногу и капризно повелевать. Потом я строгостью приведу ребенка в норму, потом мама снова заберет его к себе и возвратит испорченным вседозволенностью. Уму непостижимо, но когда он командует ею, она исполняет его прихоти настолько весело и легко, что, кажется, они играют. Когда же сын проделывает подобное со мной, создается тяжкое впечатление, будто малолетняя свинья смеет хамить матери. Я пробовала протестовать, требуя некоторого равенства условий существования Севки. «Мужчина должен учиться быть тираном, – отрезала мама. – Иначе, любая умело размалеванная кукла лишит его воли к жизни». «Папе ты всегда внушала обратное. Что-то вроде, мужчина силен, поэтому должен быть великодушным», – напомнила я. Нашла кому! «Папа – совсем другой случай, – усмехнулась она. – У папы другая группа крови и другой знак Зодиака. Кстати, почему я должна повторяться, и, если Бог послал мне двух мужчин, творить их одинаково»? Оспаривать ее право на творчество я не решаюсь.

Итак, постоянно попадающий из огня в полымя Севка вволю поерзал, подул на какао и забрызгал стол, уронил на пол печенье. Я терпела скорее из любопытства – сколько безобразий в минуту можно сделать – чем из покорности. Наконец, он угомонился, округлил глаза и прошептал:

– Мам, ты только никому не говори. Балерины пили водку. Много водки.

Во мне мгновенно воспряло давешнее сожаление о неразделенном с Настасьей спирте. Внутренне я солидаризировалась со всякой надравшейся в неурочный час Жизелью. И не сумела не то, что возмутиться, изобразить возмущение. А, наверное, нужно было бы воспользоваться моментом и раздуть в дитятке антиалкогольную искру. «Ладно, проехали, иногда и потушить доводится, если слишком рьяно раздуваешь», – подумала я. И ляпнула:

– Ну и что?

– Мамочка, они же балерины!

Сын почти визжал. Да, в прошлом году в его жизни случился «Щелкунчик». И вот балерины, читай неземные существа в потрясших Севку пачках и пуантах, созданные отхлебывать нектар из золотых кубков, облачившись в джинсы и кроссовки, лакали водяру из продающейся в каждой продуктовой лавке бутылки. Однако, повторюсь, вчера я вбила себе в голову, что наличие яда в крови оправдало бы мою дурость. И ничего другого сегодня изобрести не успела. Снова нахлынуло: какой-то подонок принял мои слова о христианской любви и дружбе за приглашение под ближайший куст. Сопливый недоумок влепил мне пощечину во дворе, в котором Севке еще гулять и гулять. На секунду померещилось, будто сын уже осведомлен об этом. Я похолодела. Если страх смерти – признак сердечного приступа, то у меня был сердечный приступ. Через силу, отвратительно заискивающим тоном я объяснила, что пить водку вредно всем, независимо от профессии. Он скукислся. «Подрасти, – мысленно утешила я сынишку. – Откроется, что балерины еще и с мужчинами спят, и тебе полегчает».

Теперь невольно скривилась я. Мало того, что все чаще ловлю себя на пошлых мыслях, так еще и в свете моего вчерашнего успеха у бандитствующего юнца тема секса стала мне так же неприятна, как и тема употребления спиртного. Я поняла, что обречена комплексовать, если сию секунду не начну избавляться от скверны. Надо было пробежаться по свежему воздуху, твердя нечто вроде: «Прошное неизбежно, будущее свободно. Слишком высокая требовательность к себе пахивает гордыней». Собственно, твердить можно любую чушь, не задевающую самолюбия. Фокус в монотонном повторении одних фраз и борьбе с искушением аргументировано убеждать себя в их правильности.

Сева сполз со стула, увлекая за собой скатерть и стоящую на ней посуду. Мрачно поблагодарил за какао и побрел в комнату то ли страдать, то ли играть.

– Сын, – очнулась я, – как ты попал в компанию балетных?

– Бабуля удружила. Мы зашли к ее подруге, у которой есть племянница, балерина, со своими подругами, тоже балеринами, – поведал он.

Ах, мама, мама. «Поля, дочка, не таскай мальчика по разудалым своим приятельницам, а гуляй с ним в скверах, на детских площадках»... Мои приятельницы, если и пьющие, то не балерины!

Я крикнула Севке, что еще не бегала.

– Ломанись за здоровьем, – позволил сынок. – На обед слепишь вареники с картошкой и яйцами?

Ясно, для чего мне нужно здоровье. Избалованное чадо желает бесперебойно получать вкусное питание. А, может, я не хочу возиться у плиты? Возьму и накромсаю хлеба и сыра. Из вредности. В знак протеста. Пусть попробует отказаться есть. «Хватит, Полина, не нуди, – одернула я себя. – Не доставало еще, чтобы из-за гадкой вчерашней истории ребенок не наелся любимых вареников. Ты страдаешь, пусть и сын присоединяется? Подло». У меня никак не получалось хоть чем-нибудь себе угодить. Я взвыла и полезла в тренировочный костюм, как в петлю.

Трусца сразу не задалась. На улице было серо и тепло. Земля во дворе раскисла, корни жухлой травы уже не могли поддерживать ее упругость. На асфальте пешеходной дорожки гостеприимно распростерлись лужи. Перспектива чистки кроссовок и штанин ужасала. Единственно приемлемым вариантом представлялось погружение в ванну с раствором моющего средства в одежде и обуви. Как и собиралась, я бубнила себе под нос, что имею право на глупости, и почти достигла в них совершенства. Поначалу все во мне сопротивлялось наглому лжи. Натура требовала либо доказать тезис, либо покаяться. В ответ на ее настойчивые требования пришлось срочно менять фразу и думать: «Я достигла совершенства в своих глупостях, на которые имею полное право». Жажда правды забила в конвульсиях. Так ей, пособнице самобичевания, и надо.

Я добежала до конца нашего дома и хотела, не глядя на место вчерашних неприятностей, обогнуть четырнадцатизэтажку. Но не выдержала, скосила глаза. Возле гаражей толпился народ. Бесспорно, владельцам не возбранялось проводить в четверг какой-нибудь субботник. Но зачем было созывать на него столько ветхих бабулек, детей и хронических алкоголиков? Я поднапряглась, но не смогла представить себе организации, одновременно раздающей на нашей окраине валенки, конфеты и чекушки на опохмел. Так, это не субботник и не подкуп электората. А, общественность снова митингует, требуя сноса «машинкиных домиков». Забросали инстанции жалобами, где-то чиновники решили для галочки поработать с населением, вот-вот нагрянут? Вдалеке показались две полицейские легковушки. Люди загудели. «Любопытно, кто подключил стражей порядка? Автомобилисты или борцы с выхлопными газами?» – подумала я и, позабыв о посланных здешнему пространству проклятьях, ринулась в эпицентр. Из которого через минуту начала отчаянно выбиваться. Не тут-то было – зеваки стояли плотно. А сирены выли все ближе. Пришлось имитировать позывы к рвоте.

– Выпустите журналистку, – пробасил толстенный дядя из соседнего подъезда, – нежная больно, заблует еще.

– И от кого нынче незамужние беременеют? – спросил писклявый женский голос справа.

Меня подмывало оглядеться и хорошенько рассмотреть бабу, для которой единственной причиной тошноты был токсикоз при беременности. А не вид валяющегося на забетонированной площадке трупа. И чьего! Моего юного обидчика.

Постыдный факт, но в первый момент я испытала буйную радость. В голову полезли мысли о Высшей Справедливости. Я даже кокетливо попеняла Небу, мол, зачем так сурово наказывать юнца, достаточно было бы расквашенного носа или крупного фингала. Однако по мере приближения рысью к дому я стала приходить в себя. Поворачивая ключ в замке, избавилась от наваждения окончательно. Человек волен философствовать, когда голоден и бездомен, одинок и несчастен, но он обязательно должен быть в безопасности. А мне отвлеченные размышления взамен трезвого анализа ситуации могли боком выйти. Видел нас кто-нибудь вчера во дворе? Не придется ли объясняться с полицейскими по поводу странного позднего свидания? Расследующих убийства господ очень раздражают гражданки, которые по ночам топчутся на месте преступления с жертвой, а потом божатся, что не удосужились с ней познакомиться.

– Ма-ам? Ты вернулась?

Если Севка изволил покинуть свою комнату и предстать передо мной, значит, будет оглушать новостями. А не хватит ли мне на сегодня? Я трусливо попыталась обмануть сына и рок, промямлив:

– Нет, не вернулась.

– Звонили Вик, Настасья и бабушка, – хихикнул Сева.

– Не Вик, а Виктор Николаевич, не Настасья, а Анастасия Павловна, сколько можно повторять. Разве не довольно того, что я прощаю тебе выраженьица типа «ломанись за здоровьем», потому что сама ими грешу? – взорвалась я.

– Брось, мама, – безмятежно призвал сын, – а то я от страха все пере забуду. Полковник придет завтра в обед, докторша велела тебя поцеловать, а бабушка – привезти меня к ужину. Сказала: «По-моему, твоя мать не в форме. Пожалуйста, не требуй с нее многого». Мам, вареники – это многое?

Я невольно рассмеялась. Ловко Севка вывернулся. И по именам и отчествам старших не назвал, и злить меня упрямством не стал. Сильно же ему вареников хочется.

– Я сделаю их тебе с удовольствием, сынок.

– Бабушка умная, – вроде как удивился просветлевший отпрыск. – Сказала: «Сначала передай про полковника, а потом проси у матери, что твоей душеньке угодно».

Ну, мама! Ведь через раз употребляю это слово в кратких энергичных восклицаниях. Приписала мою хандру тоске по Вику и нашла способ сообщить мне о своей догадливости. Знает, что Севка повторит их телефонный треп, не перепутав и буквы. Получалось: «Я все понимаю, дочка, забираю ребенка, встречай любовника без помех». Никак не поверит, что Севка нам с Виком не мешает. Почему я заводжусь? Измайлов уже неделю в командировке, я по нему соскучилась. Но считаю эти переживания интимными и скрываю даже от мамы. Не провела ее. Не преуспела. Проиграла. А проигрывать я не люблю. Что со мной творится? Нет, чтобы поблагодарить маму и возликовать. Со столь серьезным отношением к жизни и окочуриться недолго. Могу я позволить себе роскошь очищающего от вредных привычек или напрочь избавляющего от земных забот инфаркта? Не могу. Следовательно, надо терпеть и обходиться без него.

И я начала приспособливаться. Включила музыку, сделала гимнастику, приняла душ, накрутила волосы на бигуди, бухнула на плиту кастрюльки с картошкой и яйцами, вынула из морозилки мясо с намерением сегодня замариновать, а завтра к приезду Измайлова пожарить. На этом этапе хозяйственной деятельности уныние само меня покинуло. И то, что я не бросилась его удерживать или хотя бы провожать, свидетельствовало о полном выздоровлении. Все в мире было банальным. Но какое чудо, что оно вообще было.

Всеволод смолотил две тарелки вареников со сметаной. Впервые за несколько месяцев он не пререкался, когда я намекнула на приближение тихого часа. В детстве я лежала в больнице, где санитарка называла тихий час мертвым. Когда я поделилась этим воспоминанием с Настасьей, она хохотала до слез. Потом заявила:

– Извини, пациентам не понять черного медицинского юмора.

– Она так острила в педиатрической клинике? – не поверила своим ушам я.

– Нет, нет, успокойся. Наверное, какая-нибудь народная интерпретация. Но твоя манера слету подозревать людей в худшем мне не нравится.

– Вас, доктор, утешит то, что это манера, а не мания, – ответила я тогда.

А сейчас признала – цинизмом стал уже чертой характера. Даже про послушно расстилающего постель сынишку подумала: «Притворщик. Согласен улечься на час, лишь бы вечером транспортировала его к бабушке с дедушкой. А там он оторвется. Мама не видит пользы в дневном сне». Объевшийся Севка заснул сразу. Судя по всему, пьяные феи на пуантах в его снах не дебоширили. Мне оставалось лишь полюбоваться им и на цыпочках выйти вон.

Мы с Севкой обитаем на третьем этаже в двухкомнатной квартире. А начальник убойного отдела, полковник Виктор Николаевич Измайлов, ласково и просторечиво Вик, этажом ниже, тоже в двухкомнатной, но иначе расположенной и распланированной. Когда я завидую его холлу и поношу свой бестолково узкий и длинный коридор, он охотно предлагает съехаться. Знает, хитрец, что я быстренько найду десять отличительных признаков в пользу своего жилища. Мы оба слишком вольнолюбивы и заняты для ведения общего хозяйства.

Измайлов старше меня на двадцать лет. Маму это напрягает, папу – наоборот. Несмотря на мои бесчисленные выкрутасы, он ни разу меня не выпорол. Жалел, хотя в воспитательный эффект порки верит свято. Теперь ему за дочь стало спокойнее. Потому что он любит рассуждать о том, что воспитание – процесс пожизненный, и в глубине души надеется – у полицейского полковника рука с ремнем не дрогнет, в случае чего. И еще одно. Папа не любитель спиртного. Сто граммов коньяка в праздник – его доза. Но даже в редкие дни, когда он себе позволяет, папа не станет пить с человеком моложе себя. Потрясающая заморочка, до корней которой не докопалась и неумная мама. Однажды, потерпев очередную неудачу психолога и следователя в одном лице, она бросила:

– Поля, осторожней с градусами. Похоже, твой отец очень рано начавший и завязавший алкоголик. Он принципиально не спаивает молодежь. Такие принципы надо выстрадать. Но тебе от его подвигов не легче – наследственность есть наследственность.

– Поля, с градусами нужно осторожничать при любой наследственности, – сказал папа и ухмыльнулся.

Я его зауважала. Мама была абсолютно права насчет выстраданности принципов. Папа нес в одиночку какой-то груз. А ведь большинству людей требуются помощники или вообще носильщики. Словом, Измайлов для папы идеальный собутыльник.

Иногда на маму накатывает, и она упрекает:

– Готов терпеть рядом с дочерью любое старье.

– Это старье на полгода моложе меня. Да, готов, если она терпит, – демонстрирует миролюбие он.

– Не перекладывай ответственность на девочку! – бушует мама. – Попробуй еще хоть раз заявить, что Измайлов славный мужик.

– Попробую обязательно, но не сейчас...

Пока Всеволод почивал, я прибиралась внизу у Вика и вспоминала родительские перепалки. Чистюля Измайлов вполне справляется с домом без меня. Только мне не в тягость уборка и готовка. Особенно, когда я знаю, что не обязана убирать и готовить. И вдруг сквозь накинутый на реальность идиллический флер пробилось видение – мертвый парнишка на земле. Коричневая куртка распахнута, черная вязаная шапочка надвинута на глаза, щуплое тело, бледное лицо, заострившийся нос. Я испытала сочувствие к убиенному, но мимолетное и какое-то дежурное. Шкурный интерес был мощнее. «Мальчишка – слишком мелкая во всех отношениях сошка, – подумала я. – Преступление будут расследовать люди из райотдела, Измайлов о нем и не узнает. Ура, на его вопрос: „В какую историю ты на свою беду впалась без меня, детка“, можно будет ответить лишь долгим томным взглядом. И Вик упадет в сладкое заблуждение, будто под его праведным влиянием я превращаюсь в нормального человека, и меня уже не страшно оставлять без присмотра на целую неделю». В тот миг я почти гордилась собой: надо же, действительно, ничего сногшибательного не наворотила. Так, получила легкий щелчок по самолюбию. Поделом мне и на пользу. Завтра вернется Вик, наговорит нежностей. Ощущение будет, словно снегом засыпало некрасивый осенний сор. Я посмотрела в окно. За ним было белым-бело. Казалось, снежные хлопья не падали вниз, но поднимались вверх. Первые в нынешнем ноябре снежинки. И пусть я грешу сентиментальностью с мистическим уклоном. Но ведь совпало: мысленно упомянула снег, и он повалил. В таких случаях я считаю, что Бог дал занавес и отпустил душу на перекур до новых репетиций и спектаклей. Мои приключения с юношами закончились. Совсем. Я была свободна, по поводу чего глубоко вдохнула и громко исполнила романс «Утро туманное».

В шесть вечера, когда я повела Севу к бабушке с дедушкой, снега уже в помине не было. Мы шлепали по лужам, не заботясь о сапогах, и чувствовали себя безнаказанными нарушителями всех правил.

Мама приготовила отличное рагу с баклажанами. Мы ужинали, предавались семейному зубоскальству и серьезно обсуждали Севкины планы по переустройству мира. Например, дитяtko мечтало отрезать головы участковым медсестре и педиатру и поменять их местами. Вскоре наше общество ребенку надоело. Он отправился ломать папин компьютер. Дед из вежливости высидел за столом минут пять и потащился за внуком. Вероятно, соучаствовать, потому что с недавних пор загорелся идеей сменить модель, но никак не находил повода. Мама вновь принялась восторгаться Севой:

– Дочка, каков вкус у мальчика. Он прирожденный скульптор. Его нервирует то, что у изящной врачихи грубая толстая морда, а у жирной медсестры прелестное личико. Ой,

только не надо угрожающе морщить лоб, раньше на подтяжку записываться придется. С Севой я внешность окружающих не обсуждаю. Но ты-то в состоянии признать мою правоту. Кстати, привези сюда пару Севушкиных пластилиновых зайцев, я заставлю отца показать их профессионалу. Просил у него недавно спонсорской помощи некий ваятель.

– Просителю и нетронутый кусок пластилина из Севкиной коробки понравится. Мам, ты не боишься, что ребенок не прирожденный скульптор, а прирожденный садист? – попыталась уменьшить ее пыл я.

– Да что ты понимаешь в садистах! – высокомерно ответствовала мама. – И вообще, прекрати корчить из себя образец мудрости и добродетели, иначе заставлю вымыть посуду.

Угроза была нешуточной. Мама кормит и поит семью из китайского фарфора. Она наслаждается видом своих наследственных сервизов. Они, в самом деле, загадочно светлы, тонки, звонки. Но при соприкосновении составляющих друг с другом звон получается нежным и веселым. А при контакте с ложками и вилками – тревожным и печальным. Чаще всех мамин фарфор расстраивает порывистый папа.

– Вот почему на Востоке едят палочками и не связываются с супами, – испепеляет его взглядом хозяйка.

Мы умоляли ее предоставить нам посуду попроще – обычный фаянс, не жалующийся на едока, а подбадривающий его глуховатым стуком. Но мама не внемлет. Ее фарфору, видите ли, полезно исполнять свое предназначение, и мы обязаны бережно содействовать этому.

Совсем тяжело приходится тому, кто бывает вынужден сервизы мыть. Обычно мама нас к ним не подпускает. Но, случается, затемпературит или палец поранит. Тогда она кружит по кухне и трагическим шепотом заклинает:

– Осторожно, аккуратно, ласково... Дай, я сама... Нет, ты точно разобьешь блюдце... Все, соусник обречен...

И, главное, соусник, будто его позвали родным голосом, начинает выскальзывать из рук. Поэтому я не стала перечить обожающей своего шустрого внука бабушке и замечание о передающихся через поколение садистских наклонностях в нашей семейке оставила при себе.

Устроилась в кресле и позвонила Настасье. Надо было сообщить ей о завтрашнем возвращении Измайлова. Дело в том, что мы с Настей дружим с детского сада. И она привыкла звонить мне в любое время суток. Мой первый муж не претендовал на звание остролиста, но чувством юмора обладал и был от природы смешлив. Настасья могла среди ночи сказать ему в трубку что-нибудь забавное, он хохотал секунд тридцать и сразу засыпал с улыбкой. Еще и называл Настасью лучшим средством от похмельных кошмаров. Полковник – господин более желчный. Нет, он не терзает меня требованиями призвать подругу к порядку или научить правилам хорошего тона. Даже не грозит посадить на пятнадцать суток за телефонное хулиганство. Вдвоем разбираются. И языкастая самолюбивая Настасья частенько попадает впросак, что выбивает ее из колеи. Поэтому я стараюсь предупреждать, когда она рискует нарваться на Вика. Настасья настраивается и пропускает меньше уколов. А то недавно вопила благим матом:

– Викник, позови Полю, она мне нужна.

– Мне тоже, – не уступил Вик. – А почему ты так орешь в пять часов утра, Настя?

– Потому что у меня эйфория, полковник. Эйфория!

– Скорую вызвать, доктор? Все-таки эйфория – это неоправданное реальной действительностью повышено-радостное настроение, отмечающееся при прогрессивном параличе, атеросклерозе и травмах мозга.

Возникновению взаимной симпатии такие диалоги не способствуют. Настасья потом спрашивает, где и когда Измайлов нахватался не связанных с его профессиональной деятель-

ностью сведений. Я честно отвечаю, что в молодости от корки до корки прочитал на спор «Словарь иностранных слов». Она не верит. У меня самой уже развился легкий комплекс неполноценности из-за феноменальной памяти Вика. Он до сих пор цитирует тот словарь к месту и почти дословно – я проверяла.

Кроме того, Настасья полагает, что мне необходим более богатый и молодой муж.

– Ты жила по-человечески, Поля. Ну, теряешь же навыки в шике с годами.

– Согласись хотя бы с тем, что Измайлов красив, – требую я.

– Ага, был двадцать лет назад, – ворчит Настя, но взгляд отводит. – Расколдуйся, Поля! У тебя склонность к авантюрам, как медицинский случай, ты вечно участвуешь в опасных происшествиях. Вспомни обычный поход в лес после восьмого класса. Семьдесят человек из параллели спокойно прошли по тропинке, после чего ты на ней же наступила на змею. Семь тысяч баб прошли мимо этого Измайлова, и только ты запала. Поля, он руководит убойным отделом, поэтому ты внушила себе, будто с ним интересно.

Я устала переубеждать Настасью и пустила все на самотек.

На сей раз подруга моя перенесла известие о завтрашнем прибытии полковника спокойно. Сказала:

– Черт с ним, имеет право. У меня полоса невезения, Поля. Год назад прооперировала больного. Мужественный парень, выкарабкался, хотя перитонит был еще тот. А вчера умер от саркомы. Молниеносное течение. Спрашивается, зачем мучился? У нас в мединституте профессор был. Утверждал, что, если вас свела в могилу не опухоль, значит, вы до нее просто не дожили. Попроситься на усовершенствование, на какой-нибудь цикл по онкологии? Вдруг я тогда чего-то не доглядела?

– Настасья, пощади, – взмолилась я. – Невмоготу обычному человеку разговаривать на такие темы. Как бы вы с Виком ни собачились, а ведь очень похожи.

– Оскорбляешь?

– Боже упаси. Но для вас обеих смерть – это такая обыденность.

– Для тебя жизнь – обыденность, это гораздо страшнее, – пригвоздила Настя.

Я хотела потребовать разъяснений, но вместо того вдруг спросила:

– Ку-ку, спасительница, ты, помнится, паспорт мальчика сердечника держала и листала. Зовут его Антоном? Или мне послышалось? Адрес, фамилию, отчество не запомнила?

– Не – а, растерялась она. – Антон, точно. Прописка московская точно. Остальное вылетело из башки за ненадобностью. А что случилось? Пропало золотишко? Так он же ни на минуту один не оставался.

– Ничего у меня не пропало. Сама не соображу, почему и зачем задала тебе этот вопрос.

– Может, очередную статью замыслила о проблемах юношества? – в голосе Настасьи мешались дружеская надежда и врачебная тревога.

– Клянусь, нет. Само собой вырвалось.

– Поля, добром прошу, пей валерьянку. Ты перестаешь себя контролировать. Твоя крыша не, как у всех, раз в полгода уезжает. Она у тебя постоянно блуждающая.

– Спасибо, пока, завтра созвонимся, – поспешно закруглилась я.

Потому что о моем здоровье Настасья распространяется часами. И все время норовит запугивать. После таких сеансов психотерапии мурашки по коже долго бегают. «Какая валерьянка, – строптиво подумала я, – работать пора. Настасьяина правда – сработал журналистский инстинкт не терять чем-то удививших людей, пока они не перестанут удивлять».

Я перецеловала родных, вынесла напутствия и наставления каждого, включая Севку, и отправилась восвояси. Смутная догадка о том, что сегодня я в состоянии разродиться майонезным слоганом слегка будоражила. И то, верно, завтра явится Вик, не до легкомысленного сочинительства будет. А сроки поджимали. И деньги лишними не были. Не снимать же

со счета самостоятельно определенное и назначенное бывшим мужем содержание. Его я трачу только на сына. Не из гордыни, а из справедливости. Если подсчитать уничтоженные мною нервные клетки этого нормального любящего мужчины, то я ему должна ежемесячно приплачивать в течение всей жизни. И у полковника жалование стрелять не в моих правилах, хотя он не жадный. В общем, обстоятельства велели трудиться, и филонить более возможности не было.

– Девушка, подскажите дорогу. Двор у вас вымерший, спросить не у кого...

У распахнутой задней дверцы потрепанной иномарки, из тех, которым гибэдэдэшники при острой нужде в деньгах предпочитают отечественное новье на колесах, стояла размалеванная девица в коротком лиловом плаще. И протягивала мне какую-то бумажку.

Двор действительно был пустоват, даже четвероногих друзей никто не выгуливал. В ноябрьскую слякоть люди предпочитали смотреть телевизоры, лишний раз, потрепав псов за загривки, дав им лакомство и виновато пробормотав: «Терпение, немного терпения». Я приблизилась, но заглянуть в записку не успела. Заплутавшая пассажирка неожиданно сиганула в сторону, а меня толчком сзади послали в салон. Причем, умелым толчком, одновременно пригибая голову. Мне повезло. Я ударилась подбородком о костлявое мужское колено в вонючих, давно, а, может, и никогда не стиранных джинсах, громко клацнула челюстями, но зубы не сломала и язык не прикусила. Кто-то заломил мне руки за спину и торопливо связал тонким шнуром, едко впившимся в кожу. А затаившаяся в машине сволочь одновременно придела меня по высшему разряду, напялив на спело загудевшую от вынужденного кульбита тыкву просторный непрозрачный целлофановый мешок. Потом меня приподняли в четыре руки и впечатали в сиденье. Я была готова к транспортировке на любое расстояние. У меня ломило поясницу, ныла подвернутая нога, саднили запястья и болели скулы. Приказ «не вздумать пикнуть» был излишним. Я, попросту говоря, вырубилась с перепугу.

Очнувшись, первым делом горько улыбнулась. Всего несколько дней назад я в компании возмущалась скудостью фантазии бандюганов и киношников. С пеной у рта вопрошала, куда подевались изощренные способы заманивания жертв в ловушки? Хоть криминальную хронику смотри, хоть фильмы, везде запикивают какого-нибудь бедолагу в машину. Проклятая моя склонность к словоблудию. Будто накаркала. Учил, вернее, поучал же Измайлов: «Детка, намерения большинства людей определяются вопросом «стоит ли», а действия – вопросом «сколько стоит». Как обычно попал в точку, стрелок. С преступниками ясно: надо схватить человека побыстрее, запугать посильнее и отвезти подальше. А создателям малобюджетных сериалов ни к чему тратиться на гонорары «приглашенной звезде», неторопливо играющей созревание в себе преступного замысла. Легче обойтись парой статистов в масках и «Жигуленком» собственного дедушки.

Самое паршивое, что со мной вот так вот обходились не первый раз, а, наверное, третий или четвертый. Но раньше я случайно ввязывалась в раскрытие убийств и, сама того не ведая, противостояла всякой мрази. Господи, да с собственного ведома разве решилась бы? А теперь с какой стати парюсь под грязным мешком? «Почему со мной подобное происходит? – рвала себе душу я. – Есть же счастливицы, которые теоретически знают, что, живя в „юдоли скорби“, должно испытывать боль, обиду, страх, недоумение, раскаяние и отчаяние. Но никогда не испытывали. Почему? Да потому что не шляются ночью по подворотням с незнакомцами. А те, кто шляется даже из лучших побуждений, неизбежно нарываюются на неприятности. Ох, у меня в этом парнике скоро начнется мацерация кожи от пота и слез. Какое отношение к сегодняшнему катанию может иметь моя вчерашняя глупость? Что у меня за манера жучить себя, когда и так плохо? Никакого отношения. Нонсенс. Ошибочка рьяных слуг: не ту особу доставят хозяину и получат втык. Интересно, кого

хотели похитить в родительском дворе»? Слегка приободренная перспективами обидчиков, я хрипло к ним обратилась:

– Эй, деятели! Скоро вас с прискорбием известят, что вы умыкнули случайную прохожую. Отпустите, пока не поздно, не позорьтесь.

Молчание. Только пакет шуршит на башке, когда я верчу ею. Мне померещилось, будто в машине никого, кроме меня, нет. И эта консервная банка несется сама по себе. Я вздрогнула и вежливо попросила:

– Ребята, не расщедритесь на чуточку «Момента»? Никогда клея не нюхала. Полагаю, если пакет напаян, самое время попробовать.

– Я тебе сейчас из баллончика прысну, трепушка, – глухо сказал мужчина справа.

Так, это тот, который связывал. Тот, который упаковывал голову, посапывал слева и в переговоры не вступал. Зато он потуже затянул мешок на моей шее. Насколько мне было хорошо до этого, я оценила через пару минут. «Трепушка»... Смешное слово, звучит скорее снисходительно, чем угрожающе. Мне вспомнился Пончик. Его неумолчный брех в потемках. Казалось бы, слышишь лай явно крупной матерой дворняги, так не подавай голос, она и не догадается о твоём существовании. Нет, твякает, накликает на себя беду. «Ты не умнее собаки, Полина, – вынуждена была признать я. – Бредовая же идея – пытаться договориться с мучителями, еще и смешить их. Гораздо достойнее было бы безмолвствовать. Но опять не получилось. Доходит, доходит, да все никак до тебя не дойдет, что чужие слова для людей – пустой звук». Я запоздало пришипилась и стала изгонять из черепушки мысли, пока не осталась одна: «Надо изгонять из черепушки мысли».

Минут через тридцать машина остановилась. Вместо того, чтобы снять пакет, они еще туже его завязали. Теперь и предыдущее состояние показалось мне райским. О своей коже я давно перестала беспокоиться. Потому что не дышать мне стало легче, чем дышать. Я ощущала, как набрякали веки и припухали щеки.

– Вылезай, приехали, – велели мне.

Попробуй проделать этот трюк со связанными руками и затекшими ногами. Но я очень старалась, чтобы лишний раз не лапали. Гордость проснулась. Как всегда, когда пользы от нее никакой. Правда, у меня бывали случаи, когда, восстав ото сна, она наносила сплошные уроны.

Глава третья

Сквозь целлофан я должна была видеть свет фар или фонаря. Но ничего не видела. И слышала очень плохо. И соображала туго. Некто, стоявший в нескольких шагах от меня, что-то говорил. Но издаваемые им звуки казались монотонным гулом. Кровь в виски молодилась громче. Вскоре гул усилился и стал на полтона выше. «Ты можешь даже сплясать, визжа, все равно не отреагирую», – мысленно отгрызнулась я. Сосуды на висках совсем взбесились. У меня подогнулись колени. Узел пакета поспешно растянули, но еще некоторое время я оставалась слепоглухонемой, пытаюсь раздышаться. Вроде бы, почувяла ноздрями воздух – вдохни. А у меня не сразу получилось. Наконец, я разобрала слова:

– О чем вы с Женькой болтали? Почему ты сбежала, а он вернулся за гаражи? Велела дожидаться, пока отведешь собаку? По чьей указке?

– О каком Женьке речь? – фальцетом спросила я.

Это было немыслимо. Мало того, что нас с парнишкой вчера выслеживали. Меня пытались обвинить в заманивание его туда, где прятался убийца.

– О том, которому воткнули перо под ребро. И не придуривайся, ты сегодня поглазела на труп, когда рассекала по улице под видом физры.

Ненавижу это школьное словечко «физра». Кто первым придумал из экономии места и времени поставить черточку, сокращая неуклюжее слово, и превратил физкультуру в физру, наверное, был гением. Но нас никто не обяжет любить все гениальное. Однако почудилось мне, или голос мужчины действительно дрогнул? Я прочистила горло, но все равно проблеяла:

– У вас недобросовестные осведомители. Я не делала вид, будто повышаю свою физическую культуру. Я бегаю каждое утро.

– Твои проблемы. Не тяни резину.

«Сказал бы еще что-нибудь вроде „физра“, – промелькнуло в уме. – Отвлекаться на ерунду в любой ситуации – моя спасительная особенность».

– Скажите, а кто вы такой? И почему я должна перед вами отчитываться, стоя неизвестно где со связанными руками и в мешке?

Вопрос вырвался не потому, что я очень хотела познакомиться. Просто вдруг бестрепетно констатировала – обречена. Врать было нечего, а правда моя казалась слишком неправдоподобной даже мне.

– Должна отчитываться, поверь пока на слово.

Я поверила, явственно уловив, что допрашивающий теряет терпение. Доводить его до белого каления было не в моих интересах. Признаюсь честно, про наши с Настасьей хлопоты о занедужившем юноше я не упомянула, оттого что боялась сразу получить в ухо за придури. Только, когда заговорила, приказала себе: «О Насте ни звука». А начала с просьбы соседки вывести Пончика.

– И часто она просит? – зло уточнил самозванный следователь.

– Часто, – не моргнув глазом, ответила я.

А могла бы моргать, все равно физиономия занавешена. Чутье подсказывало, что лучше хаять себя, чем убитого мальчика. Но собеседник реагировал на малейшую фальшь:

– Тебе не в кайф было получить по морде от Женьки. Чего это ты такая добренькая?

– Я не добренькая, я русская. У нас про мертвых либо хорошо, либо ничего. А, поскольку вы вынуждаете меня говорить о покойном...

– Заткнись. Русская она! Сколько раз за ночь ты обычно предлагаешь ребятам свою заботу?

Намек был очевиден, но я и не подумала оскорбляться. Искренне воскликнула:

– Впервые бес попутал. Больше такого точно не повторится.

– Не шуми, бесполезно. А почему ты решила ему услужить? Стоял себе человек, караул не кричал.

Самое время было, забыв о Настасье, откровенничать про первого мальчика, который корчился в моей прихожей. Но, во-первых, меня покорило слово «услужить». В конце концов, есть предел, за которым звуковые раздражители начинают вызывать причудливые, но адекватные реакции. Во-вторых, я понимала, что сказала достаточно. Мотивация моего человеколюбивого поступка была фактором сугубо личным и постороннего хама не касалась. В-третьих, я журналист и умею не только рассказывать о людях, но и молчать о них. Сработало профессиональное: ради красного словца надо щадить не только родного отца. Забавно меня когда-то Измайлов учил: «Никогда никому не раскрывай два своих источника – информации и вдохновения. Тогда блестящая карьера гарантирована». Где ты, полковник? Похоже, я тихонько застонала, вспомнив Вика. Окружающие восприняли это по-своему. Кто-то еще немного растянул целлофан мешка и чувствительно тряхнул меня за плечи. Последнее было ошибкой. Потому что я, кажется, поняла, на чем можно выдерживать пытки. На ненависти к палачам. Кстати об источниках. В моей профессии за фразой о предпочитающем остаться неназванным сотруднике какой-нибудь организации не спрячешься. На что только не идут боссы, «вычисляя предателя». Знакомых подкупают, смазливых мужиков с букетами подсылают, сами влюбленными прикидываются. А то и насильственные вывозы на природу, чтобы какой-нибудь эффектный качок кулаком перед носом поводит, заказывают. Упреки же отвергают стандартно: «Мы? Мы волки в овечьей шкуре? Мы маскируем негодованием по поводу последней публикации госпожи Данилиной связь с криминалом? Мы наняли отморожков, которые ее запугивали и требовали назвать имя нашего иуды? Нет. Это конкуренты нас дискредитируют, пытаются добить руками журналистки. Именно добить! Еще одно упоминание в духе прежней статьи, а тем более приписывание нам таких методов работы с прессой, и урон, нанесенный нашей деловой репутации, окажется слишком велик». Так что сведения из меня уже вышибали, пройденный материал. Парнишку сердечника вполне можно было считать не источником информации, а источником вдохновения на дело помощи какому-то Жене, чем бы оно ни кончилось. Допускать, чтобы свиньи сунули свои грязные рыла в этот чистый родник, я не собиралась. И, наконец, в-четвертых. Однажды судьба столкнула меня с майором ФСБ. Я тогда вынужденно курьерствовала – передавала мафиози Цветкову кейс с изумрудами и долларами. Так вот, фээсбэшник исподволь меня тестировал и делился впечатлениями с Измайловым. А уж полковник наедине не отказывал себе в удовольствии любимую женщину подкусить. По всему выходило, что я до предела труслива. Но воспринимаю это качество не как похвальную добродетель и залог долгой счастливой жизни, а как серьезный недостаток. Пытаясь реабилитироваться в собственных глазах, настойчиво ищу рискованных приключений. Возможно, майор не ошибся. Но мне представляется, что все-таки рискованные приключения ищут меня. Одно точно, я боюсь. Но не за себя, а за тех, кого моя смерть может обездолить. Поэтому и выбиваюсь из неприятностей до последнего, в основном в поисках компромисса. Только и святой страх за близких и любимых удастся перешибить, если начать, извиняюсь, борзеть.

А мой невидимый собеседник начал. Я приняла правила навязанной игры. Раз не умеют люди нормально встречаться и спрашивать о том, что их волнует, бунтарствовать бессмысленно. Поэтому я честно перед ними отчиталась. Не поверили, в этом я не виновата. И просто стоять связанной и незрячей перед энным количеством зверья жутко. Я же с ними еще и общалась. Хоть бы кто оценил. По-моему, очевидно, что, если человек нагнанной жутью не проникся, словами ничего не добьешься. А главарь как-то запоздало принялся угрожать, сулить муки адавы не только мне, но и несуществующему хозяину, якобы, пославшему меня за гаражи. Разумеется, собственный отказ продолжать переливать из пустого

в порожнее я разложила по вышеозначенным четырем полочкам задним числом. Тогда просто устало подумала: «Пошел ты»... Но самую последнюю попытку достучаться до его разума, вернее, до крохотной его части, свободной от мании засланных казачков, предприняла:

– Послушайте, насколько я понимаю, у вас есть повод подозревать, что мальчика зарезали не случайно. Рассудите, зачем такие сложности? Подсылать меня с чужой собакой, сочинять историю о взыгравшей потребности помочь ближнему, которой ни он не поверил, ни вы не верите? Задействовали бы девицу, подобную той, что подманила меня к машине... Похитили бы Женю, прикончили за городом...

– Дура! Его надо было кончать на его территории, показать, что она не принадлежит больше.., – он не договорил кому, звучно проглотив окончание фразы. – И на шлюх ровесниц Женька не клюнул бы. И, что ты ему на самом деле плела, никто не знает. Но мы узнаем. И скоро. Колись, сука, кто приказал тебе к нему прибадываться.

– Если приказывал некто настолько умный, что знал, на кого ваш Женя клюнет, на кого не клюнет, он бы наверняка позаботился о моей дальнейшей безопасности. Ясно же, будете бить, я его за секунду выдам с потрохами.

Вокруг расхохотались мужики, но быстро, с конфузливymi похрюкиваниями и побрякиваниями смолкли. Предводитель дождался тишины и нехотя, словно уже решил мою участь, потребовал:

– Последний твой шанс. Объясняй, с чего ты к нему подвалила.

– Опять за рыбу деньги! Я не знала, что он на своей территории. Я, наивная, вообще думала, что вся территория вокруг наша общая. Но у меня создалось впечатление, будто мальчик кого-то боится. Его могли ограбить, поколотить, искалечить. Возвращать пса раньше, чем через полчаса было неудобно. Да и должен же он нагуляться, целый день в четырех стенах. Следовательно, я располагала временем и возможностью проводить юношу до остановки. Как вам втолковать? Я сама пишу, что множество трагедий происходит из-за равнодушия окружающих, чуть ли не при нашем попустительстве. Воплотила теорию в практику, кретинка. И человека убили, и я сейчас тут перед вами отчитываюсь. Все, больше мне сказать нечего.

– Ой, ли?

Я молчала. Он снова разразился бранью и мерзкими посулами. Настолько мерзкими, что я готовилась к худшему, не надеясь даже на сносное. До рукоприкладства не дошло.

– Устройте эту суку поудобнее, пусть до утра пораскинет мозгами, если они есть. Может, оценит мое терпение.

Меня схватили за локти и протащили несколько метров. Потом втолкнули в какой-то проем, удержали от падения, швырнули на, если пятая точка не обманула, деревянный ящик и ловко связали щиколотки. Рот не заткнули, значит, безлюдье вокруг было полное. Хлопок двери, возня с запором, рокот моторов отъезжающих машин. А дальше, как водится, тишина, темнота, холод и боль. От одних перспектив не составляло труда окочуриться. Но не хотелось, очень не хотелось.

Самым главным было преодолеть потребность выплакаться, отдохнуть и, следуя их совету, поразмыслить. Не рекомендовалось вспоминать родственников и друзей. Не стоило себя ругать или жалеть. Когда-то в похожей ситуации притворявшийся перед похитителями мертвым дедок сторож перерезал на моих руках веревки. «А ведь в том подвале тебя собирались убивать, Полина, – сказала я себе вслух. – И ничего, жива. Делай что-нибудь, не тормози». Со мной эти сволочи просчитались. У меня был опыт, который я проклинала в ино-марке, и, который теперь благословляла в неведомом закутке. «Опыт подопытного кролика, – с горечью подумала я. – Если выберусь отсюда, буду по ночам вызволять животных из вивариев. Посвящу этому остаток жизни. И плевать мне на научный прогресс, которому все эти

крысы, кролики и собаки способствуют ценой своих жизней». Все-таки от мрачных переживаний, а особенно предчувствий, мозги сбиваются набекрень. Дальнейшие действия предпринимались мною исключительно ради возможности освобождения лабораторного зверья. Подозреваю, что пообещай я себе отомстить каждому проводящему эксперименты с живностью ученому, энергия удвоилась бы. Вечно мы мстим не тем, кто нас унизил, и не так, как хочется.

От своей целлофановой вуали я избавилась довольно быстро. Потерлась щекой о шершавые доски, неглубоко загнала в кожу пару заноз, но край пакета ко рту подтянула. Потом я старательно жевала эту мерзость, елозила физиономией по стене, снова жевала и елозила, пока мешок не преодолел преграду носа. У меня небольшой нос, но тогда он показался мне буратиным. И еще одно мучило. Почему эта упаковка легко продирается углом картонной пачки, рыбьим плавником, да всем, что несешь в ней из магазина, а зубам не поддается? Почему?! На этих самых славно потрудившихся зубах скрипел песок, но я не могла отплеваться: несмотря на интенсивные жевательные упражнения, слюна не выделялась. От холодного воздуха лицо невыносимо зашипало, и несколько минут я тихонечко поскуливала. Потом сообразила, что мне еще предстоит, и растерянно умолкла. Надо было сгибаться в три погибели и грызть веревку на щиколотках до победного. Мои челюсти протестующе заныли. Теоретически это было возможно, осуществимость на практике подлежала проверке, но я медлила, мысленно перечисляя последствия – стоматит, гастрит, ангина с бронхитом или вообще воспаление легких. «Подонки, – просипела я, – сколько же из-за вас еще придется вытерпеть. Хоть бы узел на ногах впереди завязали. Легче его зубами распутывать, чем перекусывать синтетический шнур». Я попробовала наклониться пониже, сидя на ящике. По запаху определила, что пол земляной. Учитывая неструганые доски стен и отсутствие окон, меня заперли в сарае-временке. Но вряд ли эти сведения могли мне пригодиться, потому что у меня не получилось дотянуться до веревки. И, в какой позе удастся, я не представляла. Попробовать еще раз или сразу сползть на леденеющую влажную землю? Меня передернуло. Стоит покинуть ящик, и я уже никогда на него не заберусь со связанными руками и ногами.

Снаружи послышался шум. Кто-то взялся то ли за навесной замок, то ли за металлическую щеколду. «Идиотка, – выругала я себя, – похитители расследуют убийство Жени по горячим следам. Вряд ли они позволили себе отложить выбивание сведений из тебя, убогой, до рассвета. Бросили одну, дали время впасть в истерику в крошечной темноте и вернулись. Вероятно, посоветовались с боссом или обсудили между собой твой бред. А вдруг они решили, что ты не злокозненная, а просто сумасшедшая? Ты их не видела, ты им не опасна. И не поторопись ты стянуть пакет с башки, отделалась бы легким испугом. А теперь... Господи, ну случаются же на свете чудеса».

Случаются, в чем меня через минуту убедил смутно знакомый мужской голос:

– Полина, вы здесь? Вы в норме?

От нормы я, конечно, была далековато, но в сарае точно присутствовала. В проеме распахнутой двери стройно высилась чья-то фигура. Мне показалось, будто за спиной человека сверкают прожекторы. Но то светили луна и звезды, и скоро их свет померк до обычного скудного. «Ты тронулась, Полина, галлюцинируешь, – сообщила я себе, чтобы ничего не сообщить пришельцу. – Стройно высятся фигуры избавителей в кино, преимущественно старом. В жизни можно рассчитывать лишь на сутулого бомжа, спьяну забредшего, невесть куда». Однако силуэт не сгорбился и не уменьшился в размерах. Меня продолжали настойчиво звать:

– Полина! Или это не вы?

Если в его рыцарские планы входило вызволение меня одной, пора было признаваться, что я – Полина. А то захлопнет дверь, и поминай, как звали. Да уж, поминай! Я представления не имела, кого принесло мне на вырубку.

– Я это, я.

Получилось ворчливо, будто он меня от почитываемой в кресле книги оторвал. Мы хором нервно хихикнули. Входить в сарай и восстанавливать кровообращение в моих вконец затекших руках и ногах он не торопился. Я представила болезненное покалывание, вернее, колотье в освобожденных от пут конечностях, поежилась и спросила:

– Кто вы? Поверните голову, явите профиль на фоне луны.

– Я ваш должник. Вы с Анастасией Павловной вчера спасли меня от ОМОНа и сердечного приступа.

– А пошляки смеют говорить: «Не делай людям добра, не увидишь от них зла», – воспряла духом я. – Развяжи меня, пожалуйста.

– Разумеется, сейчас, – ожил он. – Меня Антоном зовут, если вы забыли.

– Не забыла. Будь любезен, раскручивай веревку помедленнее. А то, когда резко снимаешь, очень больно становится.

– Вас часто связывают? – удивился он, перепиливая какой-то не слишком острой железкой то, чем меня стреножили.

– Все почерпнуто из литературы и кинематографа, – отбоярилась я. – И перестань мне «выкаты». Мы с Настасьей сразу предложили перейти на ты.

– Вы, то есть ты, Полина, предложила, – легко рассмеялся он. – А твоя подруга хмурилась и покусывала губы. Когда мы вышли на улицу, она сказала: «Поля будет для всех Полей до смерти. Но я привыкла, что ко мне обращаются по имени и отчеству – Анастасия Павловна».

– Она привыкла, она хирург, – подтвердила я и тоже засмеялась. В отличие от Антона натужно, будто разучилась. – Как вышло, что ты меня спасаешь?

– Вышло вот. Давай убираться отсюда. Дорогой поговорим.

В тоне парня слышалось плохо скрываемое беспокойство. Он ускорил процесс выздоровления, энергично растирая то мои щиколотки, то запястья. Я глухо стонала, но сопротивляться попытке не могла.

Мы выбрались из сарая, потешно синхронно озираясь. Вокруг не было не души. Кроме моей тюрьмы на обнесенном металлической сеткой участке торчали вбитые на разную глубину бетонные сваи. И рябила вода в громадной луже, больше похожей на пруд. В водоеме плавал пустой пластиковый баллон. Ветер забавлялся и гонял свой невесомый кораблик в разные стороны. Я бездумно засмотрелась на игру и пробормотала:

– Все на свете прекрасно обходится без людей. Только мы друг без друга никуда.

– Что? – не расслышал Антон. – Полина, я понимаю, ты не в лучшем состоянии. Собери все свое мужество, надо пошевелиться.

Я знала – мужества во мне немного, и оно так распылено, что собрать его будет трудно. Меня саму подмывало броситься бежать, да вот незадача, в туалет очень хотелось. Я молчала не потому, что стеснялась сообщить о нужде Антону. Я панически боялась снова остаться в одиночестве. Мерещилось, что за будкой притаилось скопище чудовищ, жаждущих теплой крови. Объяснить парню причину своей обездвиженности и попросить отвернуться? Неприлично.

– Антон, подожди минутку, мне необходимо уединиться, иначе я не бегунья.

Он изумленно на меня уставился, а потом принялся столь явственно глотать, давясь, вопрос, что я скривилась в страдальческой усмешке:

– Сама удивляюсь, но, оказывается, со страху не всегда удается обмочиться.

– Иди быстро, – вздохнул он. – Скрытничает, как ребенок. Будто не догадывается, что писать приходится и девочкам, и мальчикам.

От выговора мое и без того горящее лицо прямо-таки полыхнуло под воспаленной кожей. Я неуклюже засеменяла в укрытие, завидуя естественности Настасьи. Слова «потерпеть» применительно к физиологическим надобностям для нее не существует. Однажды среди бела дня девушке приспичило. Мы пересекали какой-то длинный двор в потоке прохожих средней густоты. Вдруг Настя остановилась и заявила, что «труба зовет».

– Держись, до подходящих кустов метров сто, – на глаз прикинула я.

– Я не одолею их с переполненным мочевым пузырем, – гаркнула Настасья. – Ты представления не имеешь, как вредно перегружать сфинктеры.

Она безмятежно удалилась к чахлому ближайшему деревцу и присела под ним на корточки. Челюсть отвисла только у меня. Остальные не обратили внимания. То ли в головы не могло прийти, что дама не шнурок тут завязывает, то ли слишком высокой культуры граждане заполняли пространство.

За сараем меня никто не съел. Я храбро вышла с другой стороны и помахала стоящему столбом Антону. Он приблизился и протянул руку:

– Держись. Поскачем резво, а кругом колдобины. До мотоцикла недалеко, запыхаться не успеем.

Близость транспортного средства меня окрылила. Я собиралась сказать Антону, что никогда не каталась на мотоцикле. Но вредный внутренний голос шепнул: «Ты и клей никогда не нюхала. А разговор о нем со сволочами в машине был бессмысленным». Пока я разбиралась, не стала ли после всех передрыг излишне недоверчивой, Антон тащил меня за руку по обочине. Я не могла заставить себя смотреть под ноги – озиралась. Поэтому часто спотыкалась. И бедный парень бормотал сквозь зубы: «Нет, ее легче на руках нести». Обещанного «поговорить дорогой» не получалось. Во мне роились вопросы, но я не смела открыть рот. Видел бы мою покорность Вик, изревновался бы. «Слава Богу, Вик приедет завтра. То есть сегодня днем. Успею ли я компрессами привести лицо в порядок? А, если не успею, или не получится, что врать? В сауне мочалкой терла? Аллергия на косметику? Нейродермит какой-нибудь на почве тоски по нему, ненаглядному?» – волновалась я. Снова внутренний голос поиздевался: «Скажи ему, что у тебя лишай. Будь проще, и к тебе никто никогда не подтянется»...

– Полина, останавливаемся, – предупредил Антон, улавливавший автоматизм моих движений.

Поздно. Я врезалась в него и едва не свалила.

– Ты сильно перенервничала сегодня? Ничего не видишь, ничего не слышишь, ничего никому не скажешь?

– Эту песню моя мама любит, – невпопад ответила я.

– Моя тоже любила. Надевай шлем.

– погоди, Антон, – взмолилась я, опасливо взвешивая в руках нечто среднее между кастрюлей и аквариумом. Терпимо, легкий. – погоди, нам необходимо обменяться информацией.

– Тут недалеко есть лесок. Свернем, остановимся, спокойно обменяемся.

– И покурим, – мечтательно добавила я.

На секунду меня посетил здравый смысл. Второй день отправляюсь за гаражи, на стройку... Может, в лесок не стоит? «А, как мне еще расспросить избавителя?» – шуганула я его. Он испарился, оставив хрупкий осадок надежды на то, что Антон не намерен меня насиловать или убивать.

Быстрая езда на мотоцикле мне не понравилась. В машине гораздо комфортнее. Я вцепилась в Антона так, что у него нижние ребра хрустнули. Потом представила себе, как

парень от боли теряет управление, и ослабила хватку. Но напряжение не отпускало. Наверное, пребывание связанной в неудобной позе давало себя знать: Антон вез каменную истуканшу. Я вздохнула с облегчением лишь, когда он заглушил мотор своего самодовольно фырчащего агрегата. Поскольку юноша стресса в седле не испытывал, диалог начал он:

– Объясни сразу, почему ты им про меня не рассказала? Поводов была сотня. Я сразу сообразил: ты подумала, что этот Женя оказался в моей шкуре, и бросилась выручать. Впечатлительная ты, Полина. Зря я тебе про территориальные разборки наболтал.

«Проницательный мальчик, – отметила я про себя, наконец, угощаясь сигаретой. – Самый легкий „Кент“. Нетипичный выбор. В его возрасте еще не принято заботиться о здоровье. Впрочем, у него все нетипичное. Например, речь. Как Настасью поправил, когда она пообещала взять его за шкиряк! Автоматом».

– Полина, ау, мы не можем стоять здесь вечно. Не хватало еще встретить твою братву на единственной дороге. Обездов я не знаю.

Если честно, я бы с удовольствием солгала ему, чтобы усладить слух. Мол, не стала тебя ввязывать, подвергать опасности, потому что в отличие от них ты человек хороший и симпатичный. Да только жизнь не раз давала мне понять – у самой легкой лжи бывают самые тяжелые последствия, особенно, если лжешь малознакомым людям. Compliments дешевы, но не надо экономить на дорогой благодарности, коей является правда. И я через силу призналась, что просто не видела смысла в упоминании о нем. Помялась и решила расставить точки над i:

– Антон, давай начистоту. Настасья беззаветно тебя спасала. А я изводилась, правильно ли поступаю, не сдавая больного омовцам. Прости, мне хотелось поскорее от тебя избавиться. Я ненавидела себя за то, что не могу без задней мысли помочь попавшему в беду человеку. Раньше я такой не была. Понимаешь, я ведь подошла к Жене, чтобы доказать себе – не безнадежна. А сейчас ты меня спас, ты рисковал и рискуешь, и мне снова стыдно за неверие в людскую порядочность.

– Ты не очень утомляешься, когда так в себе копаешься? – разочарованно спросил Антон.

«Можно ли назвать тебя человеком разумным? – тоскливо обратилась я к себе. – Обидится парень и бросит тебя тут. Нужна ему твоя искренность? Она, гнилая, тебе самой не нужна». Но он не обиделся. Минуту подумал и сказал заметно веселее:

– Все-таки я был прав. Ты не от мира сего. Мало кто отказался бы от роли героини.

– Антон, сколько тебе лет? – не вынесла его рассудительности я.

– Двадцать два. А тебе?

– Недавно стукнуло двадцать шесть. Вчера я дала тебе восемнадцать.

– Да, я был бледен и жалок.

– Жалок не был.

– Не льсти, поздно, ты упустила шанс ласково потрепать мое самолюбие.

Нас куда-то не туда в беседе заносило. Он неожиданно перестал меня подгонять и вспомнил о смерти матери. Обедали всей семьей, она встала со стула нарезать хлеб, схватилась за левый бок и минут через семь задохнулась. Скорую вызвать не успели, только бес толково пытались усадить и махали газетами перед лицом. Отец спился. Пятый год парень заботится о нем, безутешном, и о младших брате и сестре.

– Антон, – промямлила я, – со мной что-то страшное творится. Слушала тебя и диву давалась. А ведь не должна. То, что ты делаешь для своих, совсем недавно было нормой, всегда было нормой. Сейчас же тянет неумно тобой восхищаться и признавать твою исключительность. Но это неправильно.

– Понял, восхищение в тебе надо будить другими способами.

– Не совсем понял. Но я сама себя редко понимаю. Я говорила не о том, что твое поведение обычно. Оно достойно уважения, я не знаю, чего еще, но не буйства восторга, который я почувствовала. Кстати, а будить мое восхищение обязательно?

– Хотелось бы. Не слишком приятно, что я тебе с первого взгляда не понравился. Идеально было бы, если бы ты меня вчера вырочала не из жалости или порядочности, а потому что я такой молодой, красивый и умный.

Мы посмеялись, и это получилось у обоих гораздо естественнее, чем полчаса назад.

– Помнится, ты сказал на прощание, что мы с Настасьей девушки не совсем стандартные, что никто не открыл бы тебе дверь. Вынуждена признать, что в наше время мало кто позвонил бы в чужую дверь в надежде на помощь. Словом, стало нас трое, две идиотки и один идиот.

Он вскинул широкие брови, усмехнулся и серьезно поинтересовался:

– Полина, у тебя друзья есть? Тебя знакомые выдерживают чуть больше или гораздо меньше месяца? Ну, кто вытерпит, когда его в знак благодарности объявляют идиотом?

– Не беспокойся обо мне, Антон. Я не всех благодарю... Есть в тебе что-то... Умение смотреть в душу, слушать, не дыша... Вот я вдруг и разоткровенничалась.

Он молча протянул мне пачку. Мы взяли по последней сигарете. Вообще-то Измайлов отучает меня от никотина, но тут я никак не могла накуриться. Было темно, сыро и ветрено. Оголившийся лесок продувался насквозь. До меня постепенно доходило, что я не жду в сарае возвращения извергов, а болтаю с молодым человеком, который меня от них избавил. И сейчас, скорее всего, уже не нагородила бы гадостей, прежде всего о самой себе. Просто поблагодарила бы от души.

Благостного состояния покоя было жаль, но любопытство возобладало. Значит, шок проходил.

– Антон, Антон, – затеребила его, притихшего, замороженного чем-то в природе, я, – как ты очутился за городом?

– Тебя это еще занимает? Я уж решил, что твоей оригинальности хватит на закрытие темы без единого вопроса. Отдохни, Полина. Тут весьма неуютно. У меня на душе так же. Гармония, получается.

– Ты подозрительно умен.

– А ты считаешь самой умной себя. И, если обстоятельства вынуждают признать кого-то ровней, начинаешь выискивать в нем пороки.

И почему я не пошла провожать Антона? Дернул же черт с Женей связаться.

– Антон, я все равно разрушила твою гармонию, ответь, пожалуйста.

– Не разрушила, не ешь себя поедом.

– Антон, – занервничала я, – ты бесспорно талантливый пародист. Недолго общались, а у тебя в лексиконе уже и «ровня», и «не ешь поедом». Мои словечки. Ты подлаживаешься или издеваешься?

– Подлаживаюсь. Если не настроиться на твою волну, с тобой рядом находиться просто опасно.

Ого, он претендовал на разборчивость в людях. Почему мужчины стремятся записать меня в ученицы и обязательно сделать отличницей? Этакое: «Полина, с тебя особый спрос. Ты способная, но легкомысленная и ленивая». Первый муж учил умерять доверчивость и крутиться. Простительно, он преуспел в бизнесе, сидя за компьютером, никого не убив, не ограбив. Зато его неустанно пытались заказывать и обворовывать. Он всякого натерпелся, посмотрелся и боялся, что, не завой я по-волчьи, живя с волками, они разорвут. Измайлов учит всему подряд, но он мудр и старается избавить меня от лишних разочарований по принципу – предупреждена, значит, наполовину спасена. И вот, пожалуйста, не успели познакомиться, Антон норовит устроить психологический тренинг. Чудак! Не ешь я себя поедом

сама, меня давно сожрали бы с потрохами другие. А так я не даюсь: пошли вон, дама на самообслуживании.

Я была на грани очередной глупости, вознамерившись заявить, что мне действительно уже безразлично, как он оказался рядом. Дескать, спасибо, главное – результат. Зачем препарировать удачу? Внутри она может быть неприглядной. «Эгоистка, – подсутилось очнувшееся сознание. – Тебе достаточно результата, а ему? Парень, между прочим, подвиг совершил, умыкнув тебя у бандитов. Ты же сначала сообщила, что вчера случайно поучаствовала в его спасении, с камнем за пазухой, так сказать, потом обозвала идиотом. А теперь собираешься сделать вид, что он тебя сюда привез подышать кислородом. Его заботами об отце, сестре, брате ты готова восторгаться. Но про собственное спасение даже слушать не желаешь. Хватит паясничать. Позволь ему похвастаться удалью, поблагодари без зауми, будь человеком. И так Вик постоянно говорит, что у тебя не мысли в голове, а измышления».

Последние приключения, должна сообщить, сильно на мне отразились. Я думала, прежде чем заговорить! Непривычное состояние. Обычно бывает наоборот. Даже хуже: делаю, потом выступаю с речью и в завершение всего обдумываю то, что наворотила и наболтала. Не дождавшись еще одной просьбы, Антон приступил к повествованию с таким видом, словно замерз и счел рассказ единственным способом избежать переохлаждения. Я на внешнюю температуру не реагировала – лихорадило.

Он гонял чай у приятеля в доме, соседствующем с родительским. Вышел из подъезда и увидел меня. Освещение во дворе прекрасное, это точно. Жильцы нещадно мордуют электриков ЖЭУ. Следить за исправностью уличных фонарей стало спортом с тех пор, как хозяйка большинства квартир постарела, заскучала на пенсиях и пристрастилась к совершению моционов перед сном. Антон порывался догнать меня, чтобы сказать пару очередных теплых слов благодарности. И стал свидетелем похищения.

– А в том дворе тебе безопасно? – встряла я. – Со стороны было очевидно, что меня в машину зашвырнули? Ты не боялся, что они заметят преследование?

– В этом районе у меня полно знакомых, – кивком признал правомерность вопросов он. – Очевидно ли? Нет. Если бы девка-приманка не понеслась, как угорелая, прочь, я подумал бы, что тебя поторопили беспардонные друзья. Еще что? А, про страх. Я боялся отвлечься, упустить их из виду, на шоссе много одинаковых машин. О том, что заметят, не думал. И сошло.

Он следовал за четырехколесной развалюхой и все-таки сомневался, не на дачу ли хорошенько оттянуться у камина направляется компания. И, лишь узрев вдалеке заброшенную стройку, сообразил, что меня везут не развлекаться. Антон спрятал мотоцикл, короткими перебежками добрался до сетки, отыскал в ней дыру, потом пробрался к нагромождению бетонных блоков напротив сарая и превратился в слух. Он не мог взять в толк, чего они от меня добиваются. Но я так упорно повторялась, что в ситуации разобрался бы и глухой.

– Знаешь, если бы вы с Анастасией Павловной не впустили и не откачали меня, я бы тебе тоже не поверил, – хмыкнул он.

Я вскользь отметила, что парень соблюдает правила собственной неведомой игры. Сказал, что Настасья предпочла обращение по имени и отчеству, так и называет, даже за глаза, что редко кому свойственно.

Со слов Антона мужиков было пятеро. Водители оставались в машинах примерно одинаковой степени подержанности, они не в счет. Двое конвоировали меня. Двое явно были телохранителями крупного дяди лет тридцати в темной кепке и темном плаще, который вел допрос. Когда господа отбыли, Антон выждал четверть часа и ринулся к сараю.

Я долго и горячо его благодарила. Он скромно отмахивался. Мне вспомнилось, как нас с Настасьей смущали и раздражали его нескончаемые заверения, вроде «век не забуду вашей доброты и самоотверженности», но остановиться не могла. Напротив, чем упрямее

он убеждал меня в ничтожности своего поступка, тем сильнее я нажимала на грандиозность его. Наконец Антон догадался меня припугнуть:

– Поехали, Полина. А то нарвемся на них. Час ночи, самое время для таких людей работать с клиентами.

– Как бы они со мной, по-твоему, обошлись?

Я старалась произносить фразу медленно и равнодушно, но получилось скороговоркой с придыханием.

– По-всякому могло повернуться, – авторитетно заявил эксперт. – Если бы за ночь собрали сведения – журналистка, под судом и следствием не была, странноватая, извини уж за прямоту, в связях, порочащих перед братвой, не замечена, либо вообще не вернулись бы, либо послали кого-нибудь веревки развязать. Этот вариант предполагался, потому что с тебя не снимали пакет и не били.

– Но я им целый час вдалбливала, что журналистка, срок не мотала, следовательно, сомнительных знакомств не вожу!

– Мало ли, что ты долбила. За тебя должны поручиться те, кому они доверяют. Не нашли бы поручителей, было бы хуже. Могли использовать этот лес по своему усмотрению.

– Это как?

– Как кладбище.

– Антон, поехали отсюда немедленно! – подскочила я.

– Давно приглашаю, – буркнул он. И не выдержал, выпустил на волю короткий смешок: – Слушай, Полина, оказывается, с тобой все просто. Как только ты приходишь в себя, становишься громогласной.

– Мама меня за это с детства ругает, – вздохнула я.

– Считай, что я похвалил, – сказал Антон и натянул шлем.

Он домчал меня до дома. Остановил мотоцикл с той стороны, где не было подъездов.

Напутствовал:

– Давай стрелой в квартиру. Удачи тебе.

– В случае чего я тебя не выдам, – пообещала я.

– Не зарекайся. Будь осторожна. Так везет очень редко.

– Спасибо, я растрогана, я не могу выразить...

– Хватит, – взвыл Антон и укатил.

Я с оглядкой, крадучись, проникла к себе. Потянула, было, тумбочку к двери. Но решила, что баррикада не поможет. Запоздало захотела спуститься в квартиру Вика, там наверняка не достанут, но струсил перед тревожной ночной пустотой лестницы. Я не включила свет, не ела, не мылась. Ощупью нашла подушку и одеяло, стянула ботинки, куртку и рухнула на диван. Немного поплакала, побубнила, что не все люди сволочи, а только некоторые, и заснула с мыслью: «Только бы не заболеть. Принять бы ударную дозу аспирина для профилактики. Принять бы»...

Глава четвертая

Позднее утро застало меня врасплох. Я проснулась в сентиментальном и человеколюбивом вчерашнем настроении, но была совершенно не готова к появлению на улице. Мышцы, как ни странно, требовали нагрузки. Подростком я стеснялась того, что при бурных переживаниях, в том числе горестных, не теряю аппетита и потребности бодро шевелиться. Скорее наоборот. А мне так хотелось легко оттолкнуть от себя тарелку с немисливой вкуснятиной, упасть в кресло, рывком запрокинуть голову и сначала безвольно бросить руки на подлокотники, а после нервно вцепиться в обивку подрагивающими пальцами. Ни разу не получилось. И сейчас меня тянуло носиться по мокрому асфальту до седьмого пота. Однако заставить себя покинуть квартиру я не могла. Навязчивая мысль о неравенстве – меня похитители видели и узнают, а я их нет – постепенно доканывала. Глаза обосновались на мокром месте. «Тебе необходимо пробежаться, никто не станет нападать на человека засветло», – уговаривала я себя по обыкновению вслух. И не поддавалась на уговоры.

Вряд ли мне удалось бы не шарахаться от незнакомцев. А нестись зигзагами по людным тротуарам было, по меньшей мере, глупо. Как назло признаков простуды или другого недомогания я не обнаружила, хоть и старалась. «Они отлично осведомлены о том, где ты живешь, – снова принялась я за себя. – Надо будет, здесь достанут. На воле хоть народ суетится. А дома ты одна. И вообще, тебе за продуктами в магазин нужно. Долго ты намерена не ступать за порог?» Тут начался полный разлад между телом и разумом. Обычно до пробежки, гимнастики и душа я в кухню не вхожу, дабы не соблазниться кофе и сигаретой. И вдруг, не смотря на протесты сознания, ворвалась туда, проскочила мимо кофемолки и кофеварки, выхватила из навесного шкафа банку растворимой отравы, которой стараюсь избегать и держу исключительно ради друзей, которые без нее не жильцы, бухнула в чашку две ложки гранул, залила холодной водой из чайника, залпом выпила половину и затаилась крепким табаком Измайлова. Хорошо, что не выбросила отнятые у него во время жестокого бронхита сигареты. В горле запершило, желудок свело. «Нельзя быть рабой привычки к здоровому образу жизни, – сообщила я себе сквозь сухой кашель. – Видишь, ты уже не в состоянии принять на грудь то, что свободно принимает большая часть человечества». Обреченно допила кофе, досмолила сигарету и, искренне уверенная в невозможности оздоровительного бега после подобной подготовки – сердце не выдержит – поволоклась в ванную под душ.

Попеременно включаемая горячая и холодная вода привела меня в чувство. Почему-то особенно преуспевала горячая, хотя обычно бывает наоборот. В ходе процедуры я поняла, что внутренний спор о выходе или невыходе на улицу – всего лишь уловка. Я оттягивала момент, когда придется решать, рассказывать о своих похождениях Измайлову или нет. Кто знает, с какими подонками я связалась? Да, невольно, неожиданно связалась, но, кому от этого легче. Не приведи Бог, примутся за сына, за родителей. Я ойкнула, включила фен и едва не сожгла им волосы, влезла в спортивную форму и вырвалась из дома, будто меня там год насильно удерживали. Пусть негодяй, который меня запугивал, глазами своих клеветников увидит, что я не намерена прятаться, и не вздумает вредить моим родным.

Получаса мне хватило, чтобы перестать дергаться. Никто за мной с сетью не гонялся, из автомата не обстреливал и даже не использовал трусцу, как повод познакомиться. Но за время пробежки я осознала, что нуждаюсь в лечении. Настасья тактично предлагает валерьянку, однако, ею не обойдешься. Придется сдаваться психиатру, напевая: «Я пришла к тебе с приветом, только ты молчи об этом». Скажите на милость, зачем мне, будь я с царем в голове, было бегать по окрестным дворам в надежде увидеть выставленную у дверей какого-нибудь подъезда крышку гроба? Ее я так и не обнаружила, зато узрела амбала, вытас-

квивающего из новенького джипа шикарный венок. Спросила у двух старых классических сплетниц:

– Это тому парнишке, которого за нашими гаражами зарезали?

Я задавала вопрос из своей уродской добросовестности. Потому что ясно же было – не по ранжиру такое скорбное подобие клумбы местному шпаненку. Но тетеньки охотно закивали:

– Ему, дорогуша. Тихий был, скромный, мать – труженица. Убивается. Говорит, младшего рожала, потому что боялась, вдруг со старшим беда случится, останусь на старости лет одна одинешенька. А оно вон как обернулось! Старший живехонек, пристроен, только младшего больше нету. Куда полиция смотрит? Развели киллеров. Раньше какие хулиганы прекрасные были! Кто не спился, все в люди, в начальники вышли.

«А Женя не был хозяином нашего двора, – подумала я, поворачивая назад. – Его территория, по выражению организатора моего похищения, гораздо обширнее. Интересно, как часто он обходил свои владения без сопровождения? Большой шишке положена соответствующая свита». Конечно, я ненавидела собравшихся мстить за Женю людей, но отказать им в логике не могла. Парня удалось бы выманить из дома одного лишь нестандартным способом. Но из дома, а не из-за угла. Получалось, Женя кого-то ждал, сроки вышли, поэтому, когда появилась я, он без колебаний покинул условленное не слишком укромное место.

Не знаю, как у остальных, а у меня ритмичные неспешные движения ног способствуют возникновению сумбура в голове. Ехидный полковник Измайлов утверждает, будто для достижения ясности соображения мне полезно увеличивать физические нагрузки впятеро по сравнению с обычными. Я последовала его совету, и Виктор Николаевич озадаченно убедился в том, что при нормализовавшемся мышлении я теряю чувство ритма и начинаю хаотично перемещаться в пространстве. А сколько и с какой скоростью мне нужно бегать, чтобы перестать и шевелиться, и размышлять, полковнику пока не удалось вычислить. Итак, я мерно рысила, а ум снова заходил за разум. Я вспомнила про Антона, про ОМОН, про коричневые кожаные куртки обоих парней. Не Антон ли назначил Жене позднее randevu перед тем, как ребята бросились врассыпную при виде бойцов в бронежилетах? Тогда он и убил. Обманул Настасью, нырнув в подземку, вернулся в темноте, спрятался где-нибудь поблизости и надеялся, что терпение обманутого Женьки лопнет, и он отойдет от дома... Или напротив был заодно с местным хулиганьем, спасался от милиции, с перепугу прихватило сердце, отлежался у меня, а потом именно его, как способного сразу вызвать доверие, послали освобождать никчемную заложницу.

Я ничего не могла с собой поделать. К иступленной давешней благодарности снова примешивалось недоверие. Антон был слишком правильным, слишком хорошим. «Поля, – осадилась я себя, – рассмотри все версии, не зацкливайся на одной. С равным Антонову успехом зарезать Женю могла Альбина Львовна, хозяйка Пончика. Мотив? Затаила обиду на гаденьшей, едва не изувечивших великолепную собаку, точно определила их предводителя. Наверное, она контролирует выгул своего пса чужими людьми из кухонного окна. Понаблюдала за нашими перемещениями, убедилась в том, что Женя от тебя отстал и вернулся за гаражи, приняла своего обожаемого сэра, для вида предложила тебе чаю, накинула пальто, схватила со стола кухонный нож, настигла варвара и наказала. Почему нет? Меньше всего он опасался пожилой собачницы и подпустил ее слишком близко. В отличие от тебя, Поля, мальчик не читал, что у часто подвергающих себя пластическим операциям дам, психика крайне неустойчива. Он, скорее всего, вообще ничего не читал».

Вика поражает моя потребность общаться с самой собой. Чаще мысленно, при особом эмоциональном напряжении – вслух.

– Я полагал, что это занятие приличествует людям, которым сутками не с кем словом перемолвиться, – говорит он. – А у тебя полгорода приятелей. Неужели треп настолько входит в привычку?

Я утвердительно трясую головой, мол, ужели, ужели. Не посвящать же серьезного занятого человека в интимнейший завих – только я знаю, что и как себе сказать, чтобы добиться определенного результата. Доводы остальных людей для меня всегда малоубедительны. Я выслушиваю все и начинаю думать, почему произнесено то, что произнесено. А смысл тем временем исчезает. Вот я придумала байку про кровожадную соседку и почти усмирила собственную подозрительность по отношению к Антону. Оставалось чуть-чуть дожать. И я процитировала себе строки из дневника Чуковского, мучимого в молодости жестокими бессонницами. Дескать, доводилось вам встречать человека, который не спал несколько ночей подряд и еще не зарезался? Зарезаться предлагал Корней Иванович переутомленному бедолаге, а не отравиться, не утопиться, не повеситься. Может, у Жени тоже были причины покончить с собой? На этом вопросы иссякли, ибо как-то сразу стало скучно и ясно – это не моего ума дело. Все-таки абсурд в малых дозах полезен. Вик любит повторять: «Твоего или не твоего ума дело – это личное. Для меня главное, чтобы не твоих рук».

Я не только занимала себя беседой, но и упорно тревожила в памяти образ несгибаемого полковника Измайлова, словно подспудно убеждала себя, что надо сосредоточиться на любимом мужчине, и все остальное облетит шелухой. Так, шелуха, шелушение... Елки-палки, я же сегодня не удосужилась взглянуть в зеркало на свою физиономию. Сначала запретила себе резко расстраиваться, а после разволновалась и забыла. Ничего себе женщина! То-то от меня скамеечницы, обосновавшиеся напротив подъезда, в котором жил Женья, норовили отодвинуться подальше. Если возникнет необходимость просить Вика о защите, предварительно пооткровенничав с ним о моих приключениях, лучше быть симпатулей, как выражается Настасья. Я приостановилась, взглянула на часы и невольно присвистнула. Идущий впереди мужик с готовностью, неведомо к чему, оглянулся. Вытаращил глаза и ускорил шаг. Я запретила себе предполагать, отчего. Любое предположение о состоянии моей внешности было непристойным.

Дома оказалось, что мой вид для Измайлова не смертелен. Лицо было немного опухшим и бледным, но в целом пот и слезы ему не навредили. Зазвонил телефон. Я медленно подошла к нему и сняла трубку ватной рукой.

– Искоренил твой полковник преступность в южных землях?

– Мама, – заорала я, – мамочка! У вас все в порядке?

– Кажется, ты действительно рада меня слышать, дочка, – довольно мурлыкнула она. – Я тоже по тебе соскучилась. У нас все отлично. Севушка считает, что папе необходим новый компьютер. Скоро они отправятся в магазин.

– Подбил все-таки дед внука? Ладно, и ему Севка на что-то сгодился.

– Севушку невозможно подбить, – строгим тоном сказала мама. – Он самостоятельная личность и привел мне целый ряд доводов, до которых папа не додумался бы. Так, как насчет полковника? Искоренил?

– Во-первых, не в южных землях, а в северных, мама...

– Неудачник!

– Во-вторых, он читал лекции на выездном семинаре...

– Тоже мне академик! Похоже, он еще не прибыл?

– Нет.

– Поля, надеюсь, ты успела побывать в парикмахерской или хотя бы накрутить волосы на бигуди и подкраситься?

– Мама, умоляю, не теперь.

– После станет поздно, – припечатала она. – Я чувствую, что ты до сих пор не прибрана.

– Слегка отекла, – призналась я.

– Прости, доченька, – возопила мама. – Это я виновата! Жизнь ничему меня не учит! Устроить тебе такую пакость!

– Ты о чем? – упавшим голосом спросила я.

– О баклажанах, будь они неладны. Рагу было острым, ты наверняка напилась на ночь воды. Нет мне оправдания, надо было сделать для тебя фруктовый салатик с рисом. Скажи полковнику, девочка, будто переживала за него и плакала. Растрогай, вмиг забудет про твою отечность.

– Я лучше промолчу. Он же наблюдательный и проницательный. Буду вести себя независимо, а Вик подумает: «Врешь, ревела».

– Нет! – с неподдельным ужасом воскликнула она. – Только не пускай процесс на самотек. Хочешь, намекай, хочешь, вдалбливай, но добейся, чтобы он догадался о том, что тебе выгодно. И не пытайся снова превозносить при мне отсутствие косметики на чистой коже. Да, мужчине она не нужна. Но ему приятно, что подруга прихорашивалась перед свиданием с ним.

Новые знакомые мамы, пообщавшись с ней пару дней, робко интересуются, сколько у нее было мужей, и, как она выдержала всех этих изуверов. Они уверены, что ее месяцами морили голодом, попрекали куском, выгоняли раздетую и босую с грудными детьми на мороз, избивали, обирали и прочая. Каков же бывает шок, когда стойкая многоопытная дама заявляет, что четверть века замужем за одним мужчиной, который всегда умудрялся с некоторым избытком обеспечивать семью и любить жену и единственную дочь.

– Уговорила, пойду, займусь собой, – пообещала я.

– Ступай и побыстрее, – разрешила мама. – И не забывай бабушкин анекдот про глупую жену, которая до блеска выдраила дом, но не успела причесаться и переодеться. Муж пришел и оценил: «Чистота, красота, плюнуть некуда. Разве что на тебя». И плюнул.

– Мама, перестань. Ты же знаешь, как меня коробит эта грубая народная мудрость. Хороша школа жизни – потакать распоясавшемуся скоту.

– Никому нельзя давать повод распоясываться. Счастливо.

Мамочка у меня своеобразная. Шесть лет назад я рожала Севку. По системе определения срока «минус три месяца плюс семь дней» перенашивала две недели. Наконец, начались настоящие схватки. Перенервничавшая и перепуганная, я позвонила мужу и маме. После чего рухнула на кровать в абсолютной уверенности, что не переживу этого кошмара. Первой добралась мама. Она застыла на пороге, заломила руки и горестно застонала. Я сообразила, что не ошиблась: родная мать сразу поняла, что дочь уже не жилица.

– Поленька, – зарыдала мама, – да как же с тобой подобное случилось? Да что же это такое?

Я тоже пустила слезу и кротко вздохнула.

– Что же это такое? – вновь всхлипнула она. – Почему у тебя волосы грязные, феном не уложенные, губы не накрашены и блузка мятая?

«Недоразумение, – подумала я. – Она не расслышала по телефону». И повторила:

– Мама, у меня схватки, я рожаю.

– И я о том же, дочка. Сейчас приедет твой муж, скоро в родильный дом, в люди выбираться, а ты в таком безобразном виде. Думаешь, мужчине приятно тащить в больницу распустеху?

– Слушай, тот, кто в такую минуту заботится о внешности жены, не мужчина.

– Наоборот, – сурово молвила мама.

– Хватит причитать по поводу прически. Лучше открой секрет, что со мной будет дальше. Еще сильнее заболит?

– Я все тебе расскажу, дочка. Но открывать секреты я могу, приводя тебя в человеческий вид.

Она приводила, а я время от времени хваталась за живот, поддывала и больше не боялась родов. Разве можно считать мистическим таинством или «смертельным номером» мероприятие, перед которым неплохо бы завиться и подкрасить губы?

Мама, как обычно, умело меня подстегнула. За пудру, румяна и тени я не схватилась, но картофельную маску сделала и замороженным соком петрушки лицо протерла. Через полчаса беглый взгляд в зеркало лишний раз убедил меня в том, что любые человеческие усилия окупаются, если не заламывать слишком высокую цену. Кстати обнаружилось, что Измайлов перед отъездом на свой семинар прикладывался к водке, ибо количество ледышек из петрушки уменьшилось. Повалился! Недавно он в мое отсутствие выбил из формочки несколько кубиков, посидел со своей порцией перед телевизором и, когда я вернулась из редакции, похвалил:

– Умница, детка. Замечательно придумала – делать зеленый лед. Такой веселый приятный коктейль получается. И аромат тонкий. Поделись рецептом этого изыска. А я, так и быть, разгадаю для тебя загадку смеси, которую он облагораживает.

Я не стала польщено корчить из себя великую кулинарку, а развопилась, дескать, не смей расходовать мое косметическое средство на свое пойло. Зелень не апельсины, добывать из нее сок долго и мучительно. Если тянет на экзотику, рекомендую огуречный лосьон. Между прочим, мама убила бы меня за признание в использовании столь простого препарата, как сок петрушки, для ухода за собой, бесценной. С детства внушала, что мужчины не выносят правды о рукотворном создании красоты. И, если уж им суждено увидеть крем, маску, тоник, то это должны быть очень эстетичные импортные баночки-скляночки. А эффективные знахарские снадобья надлежит прятать подальше и умащиваться ими в одиночестве.

– Жадина, – разобиделся тогда Вик. – А я собирался еще раз пожить ледком из свежего сока у женщины, которая трясется над обедками.

– Какими обедками, проглот? После тебя ничегошеньки не остается.

– Вчера, прежде чем вымыть банку, ты собрала пальцем сметану со стенок, шкодливо зыркнула по сторонам, поднесла палец ко рту, а потом передумала и натерла ею щеки. Я видел!

– Тебе не пришло в голову, что с кисломолочным продуктом на коже я стала весьма аппетитной? Не захотелось меня съесть?

Полковник Измайлов взял со стула пиджак и поспешно отступил к двери, бормоча: «Чур, меня».

Чудак. Мне действительно было интересно. Дело в том, что год назад моя подруга вышла замуж по сильной и страстной любви. Молодые зажили всем на зависть, но через несколько месяцев стало заметно – жена цветет, а муж чахнет. Гурман и обжора, он стремительно терял вес, хотя раньше боготворил супругу за ее стряпню. Они не собирались расставаться, но были полны решимости вместе преодолеть, что угодно. Вот только, что именно? Друзья семьи собрались на совет. Расселись вокруг стола в их модно обставленной гостиной и сотворили две кучки: одну из смартфонов, вторую из купюр. «Ребята, мы все еще совки, – сказал кто-то. – Монет гораздо меньше, чем заметок о нужных людях. Значит, по-прежнему связями сильны, а не банковскими счетами». Хозяева застеснялись и признались, что сами поучаствовать в действе не могут. В их гаджетах записаны лишь адреса и телефоны присутствующих, а все деньги переключали в карманы врачей и экстрасенсов. Мы олицетворяли собой коллективную скорбь, уставившись на самого богатого и удачливого в тот период парня, Лешу.

– Что деньги? Бумага, – сказал он и вытащил из бумажника тысячу долларов.

Одна девушка не в меру расчувствовалась и воскликнула:

– Спонсор, ты – душа-человек!

Услышав ненавистную кличку «спонсор», Леша насупился и четко произнес:

– Я ваш друг, а не это самое. Остальные до конца года займы не просите. Не дам, чтобы не обзывались. Узнаете, почему нынче спонсорство.

Народ не слишком горячо пообещал и приступил к обмену мнениями. Каждый рекомендовал лично проверенного специалиста в самых немыслимых областях. Предлагались консультации с химиками, обследования у физиков, лечение у геологов и тому подобное. Наконец составили список пяти волшебников, пересчитали собранные им на гонорары деньги и объявили первый этап пройденным.

Мытарства молодых супругов длились еще полгода. В желтую щепку превратился не только страдалец муж, но и преданно делившая с ним отчаяние жена. Они не вынесли нашего сострадания и перебрались на дачу. Откуда вернулись через три месяца розовыми и гладкими.

– Сами справились? – мрачно спросил Леша, регулярно добавлявший средства на исцеление.

– Нет. Последний в списке психоаналитик помог. Он из нашего подсознания такое вычленил, что мы не решились вам рассказать, чтобы не засмеяли. Оригинал, а ведь прав оказался.

– Поздравляю! – резко повеселел Леша. – Следовательно, баксы работали и принесли пользу. Это я люблю.

В отличие от предшественников психоаналитик начал с жены, а не с мужа. И зацепился за ее фанатичную веру в природную косметику. Для бесперебойной подпитки кожи использовалось все – фрукты, овощи, мед, яйца, сметана, масло, творог... Она не допивала кефир, а добавляла в последний глоток соду и срывалась с кухонного табурета срочно почистить поры. Откусывала клубнику так, чтобы осталась самая сочная часть, которая немедленно раздавливалась и размазывалась по лбу. Словом, из чего готовила, то и наносила на лицо и шею. И минут по сорок в масках щеголяла. Муж не возражал. Более того, сдерживал желание супругу в ягодно-сливочной маске укусить. А однажды подумал: «Да, что я, как последний дурак, держу себя в узде? Порнуху никогда не смотрел»? И ткнул любезную за щеку без предупреждения. Она заголосила не столько от боли, сколько от испуга. Он же брезгливо скривился и понесся к раковине отплеываться. Оказалось, что пребывание продукта на коже, мягко говоря, не улучшает его вкуса. Они поругались и скоро забыли о недоразумении. Но мучения супруга продолжились. Он испытывал отвращение к пище, приготовленной из того, чем жена холила себя. Объяснению это не поддавалось. Психоаналитику он пытался говорить о таинствах, происходящих в жаркой тьме желудка, но быстро запутался и сбился. Как бы то ни было, врачеватель предложил паре учесть его мнение и отделить кухню от салона красоты. Что они и осуществили на даче. А потом развелись...

Так, я, кажется, отвлеклась. Но нельзя же постоянно думать о грядущих неприятностях. Именно в тревожные минуты я ударно вспоминаю нормальных людей. Они бывают глупцами и умниками, скрягами и мотами, злюками и добряками, но не убийцами. Они могут враждовать между собой и с самими собой, клеветать и пакостить, но не уничтожают других физически, не отнимают шансы побеждать или проигрывать, будто подтверждая, что все мы зачем-нибудь друг другу нужны. Мне, например, был нужен Вик. Я стояла возле холодильника, смотрела на пустые ячейки в формочке для льда, понимала, что строптивый полковник плюнул на запрет и стащил пятнадцать ледышек, следовательно, квасил втихаря от меня, и блаженно улыбалась. «Иди, Полина, и пожарь мясо этому пьянице», – велела я себе. Дома готовить удобнее, но мне хотелось, чтобы у Измайлова вкусно пахло. Он так потешно принюхивается с порога. Поэтому-то я еще вчера отнесла вниз полуфабрикат – мясо в маринаде.

Я рисковала опоздать, обеденное время неумолимо приближалось. Захватила чеснок и спустилась в квартиру Вика. Там меня ждал сюрприз – пустая дорожная сумка полковника. Потрясающий человек. На моей памяти ни разу не привез из командировки грязное белье. Только чистое, да еще и отутюженное. Умеет использовать обслуживающий персонал гостиниц по назначению. На темном пластике кухонного стола белела записка: «Детка, здравствуй, вернулся рано, будить не стал»... В иных обстоятельствах я забеспокоилась бы. Почему не стал? Охладел? Переутомился с другой? Заболел? Но на сей раз вспомнила, что представляли из себя утром я и моя нора – сдвинутая тумбочка, валяющиеся посреди комнаты грязные ботинки вперемешку с верхней одеждой. Пришлось бы объясняться. Пронесло. И я не без удовольствия дочитала его лаконичные признания в любви и обещание не задерживаться на службе вечером, чтобы наверстать упущенное за время отсутствия. Далее красовалась корректная подпись «твой Измайлов» и постскрипту: «Поленька, мясо будет сказочным, если к ужину ты его немного притомишь». Немного что? Притомишь? Он его пробовал? Я неуверенно приблизилась к кастрюле и сняла с нее крышку. В маринаде мокли живописно декорированные кольцами лука и горошинами перца куски сырой говядины. Надежды на то, что изголодавшийся Вик слил маринад, добавил масла, прямо в кастрюле поставил на большой огонь и не дотерпел – съел мясо жестким, не оправдались. «Нажраться в хлам в поезде не мог, он свою норму знает, – подумала я. – Значит, был чем-то так поглощен, что не сообразил – на данной стадии приготовления блюдо несъедобно. И я еще боюсь, что меня пристрелят бандиты. С каннибалом живя!»

Но Вик уже был в городе, можно сказать под боком. Теперь мне ничего не страшно. Я испытала приятное облегчение и неожиданно для себя сказала: «Не досталось майонеза, застрелился из обреза». Поперхнулась, откашлялась и прошептала: «Гадость, какая». Качество и впрямь было удручающим, но после стольких переживаний претендовать на иное я бы не стала. Меня поразило другое. Я попадала в передряги и выбиралась из них, нещадно жучила себя, чтобы не впасть в лютейшую тоску. И все это время во мне существовал параллельный мир, где не просто сохранялось желание работать и зарабатывать, а и осуществлялось подспудно. Возгордиться от собственной многоплановости я не успела, зазвонил телефон. О моем пребывании в покоях полковника могли догадываться только он сам, мама и Настасья. Поэтому я вразвалочку подошла к аппарату, загадывая, подавлю игривое желание промурлыкать в трубку какую-нибудь глупость или нет. Раздавшийся мужской голос снял проблему, как стакан с опасно накренившегося подноса:

– Добрый день, Поля. Звонок мой секретный, так что я коротко. Постарайся изо всех сил в четыре часа прогуляться к поездам своего метро. Мне надо переговорить с тобой насчет Бориса. Надеюсь, встретимся. Пока.

Я рта раскрыть не успела. Старший лейтенант полиции Сергей Балков. Остался на несколько минут в кабинете в управлении один и успел назначить мне randevu. Наверное, к вечеру отправится беседовать с каким-нибудь потерпевшим или свидетелем и по пути ознакомит меня с заботами своего друга и сослуживца Бориса Юрьева. Из звонка Сергея следовало, что полковник Измайлов раньше шести домой не засобирается, и, что с Юрьевым стряслось нечто небывалое. Такое, с чем он сам справиться не в состоянии. Я забеспокоилась. Парни близки Измайлову, значит, и мне не чужие. Но у нас с Борисом сложные отношения. Сергей, разумеется, в курсе. Поэтому лишь запредельная нужда могла заставить его обратиться ко мне. Объясню по порядку.

Измайлов и Юрьев с Балковым – это Учитель и Ученики. Подчеркиваю, Ученики тоже с большой буквы. Не в нашем хамоватом понимании: лекцию прочитал, на практике показал и отвали. А, скорее, в восточном, когда потребность в отношениях взаимна и бесконечна. Мне не удалось выпытать у Вика, почему именно с Сергеем и Борисом у него так сложилось.

Отшучивался по своему обыкновению: «Не понимаю смысла поговорки: „Не ученик ищет учителя, а учитель ученика“, но чувствую – правда».

При виде не достигших еще тридцатилетия Балкова и Юрьева многим приходит на ум сравнение боксера с фигуристом. И темпераменты у них разные. Сергей хозяйственный, основательный и добродушный. Борис презирает бытовщину, не вникает в мелочи, скор на интуитивные прозрения, зол и ироничен. Казалось бы, классический тандем. Однако в реальности это не сдвоенный велосипед, но два разных велосипеда, движущихся в одном направлении, со всеми вытекающими отсюда житейскими коллизиями.

Я веду речь не о монахах в монастыре, а о не дававших Богу лишних обетов мужчинах в убойном отделе. Поэтому обсуждать степень их приближенности к человеческому идеалу бессмысленно. Измайлов, по-моему, слишком явно отдает предпочтение Борису. С Балковым ему скучно, с Юрьевым интересно. Но это полбеды. Хуже, что он молча принимает истеричность любимца и распекает уравновешенного его друга за общие промахи. Я пыталась доказать, что Сергей не тупее, а скромнее Бориса. Он терпим к людям и строг к себе, стыдится допущенных из-за небрежности или спешки ошибок. Борис же склонен придирается к каждому и прощать себя. Они оба никогда не ищут оправданий. Сергей, потому что «виноват, так виноват». Борис, потому что считает себя ни в чем не виноватым по определению.

Отношение ребят ко мне есть отражение их отношения к Измайлову. Балков уважает выбор полковника и терпеливо приспосабливается к его женщине, хотя именно Сергея должна бесить моя импульсивность. Юрьев полагает, будто Измайлов связался с такой несолидной оторвой, как я, в момент острого помешательства и теперь из гордости не желает признать промашки. И Борис всячески способствует разочарованию Виктора Николаевича во мне. Он вытворяет примерно то же, что и Настасья, постоянно критикующая полковника, только у Бориса на меня компромата больше. Еще бы. Вик не набивается к моей подруге в ассистенты на операции. А я постоянно лезу в расследования убийств. И никак не могу доказать Боре Юрьеву, что к этому занятию меня принуждает не желание, а исключительно стечение обстоятельств. Натура такая. Я не различаю содействия и противодействия, главное, чтобы вокруг были люди. А там разберемся, кто друг, кто враг, и почему. Однажды в ЦПКО на аттракционах из маминого кармана вытрясло все деньги. Пока она переживала в сторонке и готовилась просить сжалиться дежурную в метро, я смоталась в гущу толпы, разъяснила народу ситуацию и не только принесла два пятака, но и привела толстого весельчака, который захотел взглянуть на мать столь непосредственной девочки. Дяденька немедленно влюбился, и бедная мама отбивалась от поклонника всю дорогу, а после еще пару недель. До сих пор, вспоминая ту или похожие истории, она сокрушается:

– У тебя, дочка, есть один существенный недостаток. Ты могла собирать денег на месячный проезд всей нашей семье. А ограничилась двумя необходимыми монетками.

Поведай я об этом эпизоде старшим лейтенантам, Сергея Балкова озаботило бы то, что я могла потеряться или нарваться на взрослое хамство. А Борис Юрьев часа два распространялся бы об обязанности ребенка смирно стоять рядом с матерью, жалеть ее взглядом и преданным поскуливанием и ждать, когда взрослый человек выберет способ и начнет действовать.

Я потрясла головой, изгоняя из нее капитанов, и принялась готовить не обед, а ужин. Встреча с Сергеем сулила какую-то новизну. И этого было достаточно, чтобы полностью восстановить мою жизнеспособность. А то за последние двое суток у меня возникло стойкое впечатление, будто я что-то жую, жую, и не могу ни выплюнуть, ни проглотить.

Глава пятая

Сергей степенно вышел из вагона и направился ко мне. Широкое лицо выражало мягкую приветливость и, вынуждена признать, едва уловимую настороженность.

– Здравствуй, Сережа. Почему такой встрепанный?

– Так Виктор Николаевич приехал, – пожал мощными плечами крепыш.

– Посторонний подумал бы, что полковник после разлуки таскает подчиненных за вихры. А вы, бедные, настолько привыкли, что не ропщете, – засмеялась я.

– Ты не посторонняя, – скупой улыбнулся Балков. – Просто Виктор Николаевич нас распекал, я от напряжения ерошил волосы, а расчесаться забыл. Ничего, на улице влажно, прилягут.

– За что распекал-то? – поинтересовалась я.

– За нерадивость и неразумие, Поля.

Я мысленно провела ревизию состояния своей и полковничьей квартир и качества приготовленной еды. Вроде ничего.

– Сережа, ты меня заинтриговал. Пропадающий от чего бы то ни было Борис – это зрелище в стиле фэнтэзи.

– Это зрелище в стиле передвижного зоопарка, Поля, – грустно сказал Балков. – И Борька в нем самый неприспособленный зверь.

– Пытаюсь представить. Не получается, – призналась я.

– Сейчас объясню и побегу, а ты переваривай. Потом состыкуемся и обсудим. Только, сама понимаешь, никому ни слова. Я себя неделю убеждал, что не предаю Борьку, а выручаю. Но все равно мне не по себе.

Пустой болтовни Сергей не терпел, поэтому я воздержалась от обсуждения вопроса, как часто дорога в ад бывает вымощена благими намерениями. В конце-концов самое захватывающее в жизни не посыл и результат, а процесс. Я лишь подбодрила Балкова:

– Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

– Ладно, как-нибудь выдюжу.

– Вместе выдюжим, Сережа.

– И Борька с нами.

Да, у капризного Юрьева был верный друг.

Я трудно привыкала к манере Сергеевой речи. Он не рассказывал, а докладывал. Его лаконизм приводил к недоразумениям: он давно все, что собирался, выложил, а я, привыкшая к прологам и не слишком в них вникающая, ждала основной части. Извинялась, просила повторить. И только добросердечие и снисходительность Сергея раз за разом спасали ситуацию. В данном случае Балков так боялся сболтнуть лишнее, что превзошел самого себя, буркнув:

– Борис втюрился во вдову жертвы, а она его на десять лет старше.

И замолчал. Я всегда готова выслушивать человека, произносить ответные монологи, поддерживать диалог, вступать в полемику и помогать. Но это первая эмоциональная реакция на обращение ко мне. Анализировать слова собеседника, соотносить их с его естеством, я, если честно, начинаю в зависимости от личной заинтересованности в сообщенных сведениях – сразу, погодя или вообще откладываю в памяти впрок и извлекаю по мере возникновения этой самой личной заинтересованности. С Балковым такой номер не проходит. Над его краткими выкладками приходится думать по ходу беседы. Тот же Юрьев скор на нелестные характеристики: три четверти людей для него дураки и мелкашка. Однако Борис продолжает с этими убожествами общаться и сотрудничать. А терпимый к слабостям человечества Сергей, обнаружив, что вы не силились правильно его понять, обрубаёт не только разговор, но порой и отношения. При этом в глазах парня плещется детский укор. Дескать, я свел треп

к минимуму, я сэкономил ваше время и щадил нервы, а вы... «Рационалист несчастный» – посмеивается над другом Юрьев. «Зато ты делаешь вид, что нуждаешься в зрителях, дорого заплативших за билет на представление, а обходишься случайными зеваками», – парирует Балков. Так и сосуществуют.

Если разобраться, молчун Балков претендует лишь на то, чтобы его не терзали вопросами, ответы на которые знают сами. И фраза: «Борис втюрился во вдову жертвы, а она его на десять лет старше» комментариев действительно не требовала. Они расследовали убийство женатого мужчины, поскольку упоминалась вдова. Раз расследовали они, покойный был либо богат, либо известен, либо и то, и другое. Если Борису двадцать восемь, вдове не меньше тридцати восьми. В ее возрасте, по мнению Сергея, надо начинать беспокоиться о душе, а не о мужиках. В сущности Балков еще ребенок. Он полагает, что секс приличен в юности, а зрелая тяга к нему граничит с непристойностью. Далее, коли уж разборчивый Борис влюбился в порочную старуху, в ней должна быть какая-то изюминка. Такая женщина легко не отпустит, и Юрьев обречен на муки безответной любви. В случае проявления дамой взаимности тревога Сергея могла только усилиться. В бескорыстное увлечение обеспеченной стервы опером, пусть и перспективным, Балков не верил. И еще одно немаловажное соображение. Поскольку он не давал Борису времени разобраться в себе и перебеситься, я могла смело предполагать, что Сергей подозревал вдову, по меньшей мере, в найме киллера и не желал видеть друга «испачканным» связью с ней.

Стоило пошевелить мозгами, и уточнять становилось нечего. Оставалось спросить:

– Чем я могу помочь, Сережа?

– Придумай, как его от нее отвадить, ты же женщина. Если план будет стоящим, я скажу, кто она. А лучше просто придумай, сам все устрою.

– Не доверяешь?

– Берегу, Поля. И тебя. И себя. Представляешь, что начнется, если Борис или Виктор Николаевич пронюхают о нашем заговоре? То есть Борька пронюхает, а Виктор Николаевич...

– Узнает, – подсказала я смущенному Балкову, который не допускал беспорядка даже в личных разговорах.

Так, предположим, Виктор Николаевич узнал. Жутчайшее видение, не повторилось бы наяву. Мне понадобилась пауза, чтобы справиться с собой.

– Сережа, мы с Борисом не ладим. Думаешь, у меня хватит порядочности не подложить ему свинью?

Я пошутила, но здравомыслящий Балков решил пресечь разгул низменного во мне сразу. Пообещал:

– Я буду тебя контролировать. И потом, вы прекрасно ладите, когда ты не выставляешь Борьку полным идиотом перед Виктором Николаевичем. А Борька дорожит его мнением, ему больно.

– Это самозащита, адекватный ответ на Борины происки, – заспорила я.

Но завестись не успела, потому что закаленный в беседах со мной Балков ринулся к открывшимся дверям вагона с прощальным выкриком:

– Думай, формулируй, созвонимся.

«Экспериментатор», – тихонько хрюкнула я ему вослед и отправилась домой, на ходу освежая в памяти известные мне способы разрушительного вмешательства в чужую жизнь.

Полковник явился в семь вечера с классическим набором начинающего кавалера – цветы, торт, шампанское. Раньше Настасья часто допытывалась, не скучаю ли я после развода по более существенным подношениям. Зуд любопытства был настолько силен, что она поднимала эту тему, где придется. Однажды мы сидели в кафе. Я сотый раз твердила, что

легче, когда любимый не дарит бриллиантов, чем когда их дарит ненавистный или презираемый. Потому что в последнем случае от подарков надо отказываться. В итоге и камешков нет, и организм изнурен борьбой с искушениями. Подруга моя не соглашалась, приводила множество общеизвестных доводов и прямо-таки вымогала признание, мол, всем хорош полковник, но машины на день рождения в подарок от него не дождешься.

– Да не машина мне нужна, а любовь, – в сердцах открытым текстом воскликнула я.

– А первое со вторым никак не совмещаются? – уперлась Настя.

– Случается, но не в данном случае.

Из-за соседнего столика, допив кофе, поднялась неброско-элегантная девушка. Ее будничное облачение стоило столько, что для сохранения вменяемости лучше было считать его подделкой. Проходя мимо нас, она вдруг обратилась к Настасье:

– Прекрати травить подруге душу. Ненавижу таких, как ты. У самой, сразу видно, ни машины, ни бриллиантов, ни мужчины, а смеешь теоретизировать. И, повернувшись ко мне, рвущимся голосом: – Чего ты с ней миндальничаешь? Объясни этой овце, что за шикарную жизнь не тело, а душу продают.

Она крутанулась на высоких каблуках и стремительно вышла. Шлейф ее духов был горьким. Прежде чем разреветься, Настасья прошептала:

– Теперь я понимаю, почему ты победнее будешь.

Я это давно поняла и успела смириться. Настолько смирна стала, что на последовавшие вскоре в адрес неведомой заступницы яростные Настины ругательства не ответила ни «за что боролась, на то и напоролась», ни «вы обе друг друга стоили».

Вик был очень мил. Я чувствовала себя средоточием всех его помыслов и перед тем, как бесповоротно расслабиться, подумала, уж не уволили ли его со службы. Утром выяснилось, что нет. Уплетая на завтрак остатки вчерашнего мяса и не замечая разницы между сырым и жареным, он деловито попросил:

– Детка, не поработаешь осведомителем?

– Бесплатно? – спросила я.

– За идею.

– За какую?

– Идеальную, разумеется.

Столь плоский юмор означал, что полковнику Измайлову снова не до меня. Пока он закуривал, я гадала, не провокацию ли господин затеял. Предположить, будто вечно ограждающий меня от своих расследований Вик добровольно даст мне какое-нибудь поручение, было сложно. Проще поверить, что во сне я проболталась о тайной встрече с Балковым, и Измайлов проверял степень моей осведомленности об отношениях какой-то вдовы с Борей Юрьевым. Не дождавшись проявления инициативы, полковник сам подвинул ко мне пачку сигарет. Он все-таки назначил цену моим услугам – курение без оглядки на его недовольство. И это была высокая цена. Я расправила плечи и мстительно сказала:

– Спасибо, милый, но курить натошак вредно. Ты забыл о моем режиме? Я еще не бегала и не ела.

Я цедила правильные слова, и даже сердце не екало. Будто вчерашних переживаний, едва не отвративших меня от пробежек навсегда, в помине не было. Дура Настасья, надо не бриллианты с Измайлова требовать, а радоваться молча, что приплачивать за обретаемое рядом с ним умиротворение не приходится.

– Я машинально тронул пачку, – смутился от собственной беспринципности полковник. – Знаешь ведь, детка, не люблю давать тебе детективных поручений. Ты их сама легко берешь. Но тут, кажется, ничего опасного. Во дворе пару дней назад зарезали молодого человека. И меня весьма интересуют сплетни дворовых кумушек.

– А с какой стати этот труп повесили на вас? – возмутилась я. – Пусть райотдельщики за гаражами с лупами лазают.

– Бурно реагируешь, Поленька.

«Цыц, – велела я себе, – с профессионалом разговариваешь. Дашь ему крохотный повод допрашивать тебя по-домашнему, он же наизнанку вывернет. Подзабыла, каково с Виктором Николаевичем, когда он входит в дознавательский раж? Ему можно не признаться. Но скрыть ничего нельзя, потому что он всегда обо всем догадывается правильно. И тогда остается единственный шанс сохранить его расположение – придумать оригинальную причину идиотского поступка. А много их, оригинальных»?

– Детка, не замыкайся. Случилось что-нибудь? Ты как-то связана с местными событиями? Пыталась по собственной инициативе выяснять обстоятельства? Почему вчера не сказала?

Пожалуйста! Компьютерно отлаженный мозг Вика заработал в направлении безошибочного поиска истины. Я сжала кулаки под скатертью и зачастила:

– Да, я причастна. К тебе. Каждое новое убийство отнимает тебя у меня на часы и сутки. И я в курсе, что твоему отделу перепадают не только самые заковыристые преступления, но и те, которые не раскрыты из-за недобросовестности, тупости и трусости первых сыскарей. Они, спустя рукава, что-то там расследуют, потом оказывается, что в поимке убийцы заинтересовано высокое начальство, дело перебрасывают тебе, и я тебя ни днем, ни ночью не вижу.

– Польщен твоей горячностью, – усмехнулся Вик. – Соскучилась, тронут. Ты верно уловила, Поленька, начальство заинтересовано. Черт бы его побрал. Убитый был предводителем местных отморозков, растил достойную смену погибшим боевикам из наглой и активной группировки старшего брата. Коллеги из райотдела рассуждали допустимо: одной мразью меньше, и ладно. Но под видом мести за ближайшего родственника живой братец многих закопает.

Я вспомнила дрожащий голос мужчины, расспрашивавшего меня на заброшенной стройке про встречу с Женей. Значит, это и был его еще не справившийся с горем брат? Как написал один знакомый журналист, главарь преступной группировки, но тоже человек? А не я ли значусь в списке подлежащих уничтожению под номером один? Если стану рьяно выполнять просьбу Вика, собирая сплетни по округе, точно нарвусь. Несправедливость ситуации приводила меня в бешенство. Впервые Измайлов попросил помочь, надеясь найти в принесенном с улицы словесном хламе нечто пригодное для построения стоящей версии. А я боялась даже открыто крутиться во дворе, где жил Женя. Ведь кто-то выследил нас с ним за гаражами. Надо было признаваться Вику. Во всем и срочно. Все равно узнает, тогда пощады не жди. Ему не стыдно «сдать» и Настасью, и Антона. Он свой, родной, вреда им не причинит, просто порасспрашивает немного. А убийство раскроет, кровавую междоусобицу предотвратит. Я на собственной шкуре убедилась в том, что Женин брательник жесток и скор на решения и действия. «Сейчас или никогда», – подумала я и без предупреждения плюхнулась Вику на колени для создания обстановки максимальной доверительности. Он такой игривости не ожидал и зарычал:

– За что?

Я расхотела припадать к его груди и надулась. Попыталась гордо подняться, но у Виктора Николаевича сработал хватательный рефлекс. И схватил он меня, как на грех, не за руку, а за ногу. Тут великолепный полковник совершил роковую ошибку. Женщина – существо интимно внушаемое. Достаточно было чмокнуть меня в нос, сказать, будто я саданула ему локтем в солнечное сплетение, и лишь поэтому он не закончил вопрос: «За что такое счастье», снять груз, то есть меня, с колен и поставить по стойке смирно. Тогда Измайлов стал бы обладателем всей известной мне к тому моменту информации. А он опрометчиво

полез с нежностями и увлекся. Естественно, у меня не возникло желания отвлекать его признаниями. Кроме того я подумала: «Что он сделает, услышав про похищение? Попытается меня спрятать. И я снова буду куковать в чужой квартире под надзором какого-нибудь преданного Измайлову со времен совместной деятельности бывшего опера. Не хочу. У страха глаза велики. Все обойдется. Ну, невмоготу мне сейчас расставаться с Виком. Будь, что будет».

Некоторую вину за скрытность я чувствовала. Поэтому, провожая Вика, сказала:

– Днем перед убийством парнишки в нашем дворе работал ОМОН. Люди даже подъезды прочесывали в поисках юноши, одетого в коричневую кожаную куртку. Вряд ли это важно, но, чем богата, тем и рада.

– Спасибо, – улыбнулся полковник. – Все-таки не бывает, чтобы ты совсем ничего не знала. Выясню у своих, кто задействовал ОМОН.

– Создай хоть видимость деятельности.

– А я и деятельность разовью, дай срок.

Я понимала, что разовьет. Мне бы благонаравно помолиться о его грядущих успехах и заняться хозяйством. Или поработать для разнообразия за компьютером. Я же принялась изыскивать возможности и на улице не светиться, и общественным мнением по поводу происшествия за гаражами поинтересоваться.

Как-то Измайлов, Балков, Юрьев и я отмечали окончание довольно кровавого и длительного расследования. В порыве нежности полковник заявил, что готов отдать за меня жизнь.

– Это вы от безысходности, Виктор Николаевич, – немедленно пояснил Борис. – Подсознательно понимаете, что готовы, не готовы, а отдавать придется, если Полина продолжит провоцировать убийц в том же духе.

Посмеялись, перечислили все мои недостатки, помечтали, как легко и вдохновенно заживут, когда я перестану путаться под ногами, и разошлись. А я на следующий день задалась вопросом, на что готова ради Вика. Детский сад, конечно, но тонизирует. Помнится, для того, чтобы растянуть удовольствие, я начала с расставания не с жизнью, а с любимой в тот момент сумкой.

Однако тогда я и не подозревала, на какое самоотречение способна. С целью выполнения задания полковника я отправилась к Альбине Львовне, «кобелиной мамаше», как прозвала ее одна злоречивая обитательница нашего подъезда. Если за тридцать капель «Корваллола» я заплатила прогулкой с Пончиком, то оставалось лишь зябко гадать, не возложит ли на меня хозяйка полный уход за косматым разбойником, поделившись сплетнями. Но я мужественно пошла на риск. Позвонила ей, наплела что-то про молодежную проблематику и услышала самоуверенное:

– Обязательно помогу вам, Полина. Наконец кто-то понял, что проблемы подростков надо обсуждать с людьми опытными, а не с ними самими. Поднимайтесь ко мне прямо сейчас.

Я захватила шоколадный рулет и предстала перед Альбиной Львовной, скорее, скалясь, чем улыбаясь. Мысль о том, что окно ее кухни выходит во двор, и именно она могла видеть, как мы с Женей шагаем к гаражам, не давала покоя. Я с трудом усмирила себя, прикинув, сколько амбразур на той стороне дома, и, какому массивированному обстрелу чужими взглядами мы подвергаемся каждый день.

Вик Измайлов – человек сложный. Наше знакомство пришлось на пору, когда я всем признавалась, что родилась старухой. Дескать, с малолетства все знаю, все понимаю, скукоптища. Полковнику это почему-то не нравилось. Он раз признал, что я начитана не по годам, но попросил перестать кокетничать молодостью. Я упорствовала в собственной пресыщенности. И однажды он не стал мягко подтрунивать надо мной, а заявил:

– Хватит убеждать себя, будто ты влюбилась в меня благодаря ощущению прожитых лишних двадцати лет. По мужскому самолюбию очень бьет.

Такое истолкование меня поразило. Я в буквальном смысле слова застыла с отвисшей челюстью. Вик легонько вернул мой подбородок на место и куда-то ушел из дома. «Мог бы подсластить пилюлю, сказав, что моя способность удивляться – есть признак незамутненной юности», – подумала я. И именно за отказ заботиться о произведенном его словами впечатлении полюбила несносного моралиста сильнее прежнего. Это я к тому, что, оказавшись в гостях у Альбины Львовны, челюсть от отпадания удержала, но дара речи лишилась.

Раньше мне не доводилось у нее бывать. Вернее, в голову не приходило напрашиваться с визитом. Я вообще не обременяю соседей просьбами, но изредка возникают обстоятельства, когда позарез нужно не для себя. Хотя народ в подъезде живет простецкий. Лена с девятого этажа говорит, что в детстве бабушка «достала» ее пополнением запасов на случай ядерной войны. Поэтому теперь она принципиально не покупает соли и спичек. И мы их даем, оберегаем ее нервную систему. Правда, однажды Анна Ивановна возмутилась:

– Иди к черту, Ленка, нынче не моя очередь солить твою кашу, а Галькина.

Ваня же с пятого, к которому обиженная просительница кинулась жаловаться, осудив черствость Анны Ивановны, участливо поинтересовался:

– Лен, ты мыться-то пробовала? Мыло, что соль и спички, без него тяжко. Не тушуйся, включай в список. Если с каждой квартиры по куску, для гигиены надолго хватит.

Ленка поблагодарила за идею. Осмысляет, надо полагать. Сам Ваня раз в две недели «занимает» электродрель. Жильцы утомились спрашивать, что зарастает у него с такой регулярностью, а он в ответ перечисляет собственные физиологические отверстия. Посему последний год он берет инструмент у меня. Я обхожусь без комментариев. И Ваня всегда подмигивает мне вместо «спасибо». Но все рекорды побирушничества побила Верка, моя непосредственная соседка, когда ворвалась в полночь к Измайлову с воплем:

– Николаич, одолжи презерватив! Ты мужик одинокий, у тебя должен быть. И только ты в этом паршивом подъезде еще не спишь. Не отшатывайся! Легче тебе будет, если я снова на аборт пойду?

Пробормотав: «Только не на аборт», сердобольный полковник презентовал любительнице безопасного секса резинку и с тех пор по возможности обходит ее стороной.

Альбина Львовна никого в дом не пускает. Приоткроет дверь на длину цепочки, выслушает просьбу, скажет либо: «Не располагаю», либо: «Ждите», закроет дверь и вскоре снова проверит свою цепочку на прочность. Смерит ожидающего взглядом, пробормочет: «Через порог нельзя», бочком вышагнет на площадку, вручит то, что просили и, отмахнувшись от россыпи благодарственных фраз, скроется в своей раковине. И всегда на ней бесформенный атласный халат, смешной сатиновый тюрбан и просторные цветастые тапочки. Она даже Пончика встречала и провожала на лестнице. И на чай меня приглашала там же. Жаль, что тогда я отказалась. Все равно состояние было полубоморочным – легче адаптировалась бы к зрелищу. А тут, на неповрежденную стрессом голову... В просторной комнате стояла антикварная мебель – изящная, по-настоящему красивая, качественно отреставрированная и отменно ухоженная. Причем никаких музейных ассоциаций не возникло. Просто захотелось поджать живот, расправить плечи, вскинуть подбородок и поправить несуществующую прическу. Сэр Пончик галантно поднялся при моем появлении с шелковой подушки, поклонился головой и хвостом, после чего с достоинством улегся снова. А как еще можно опускать тела на оттоманку, идеально подходящую вам по размеру? Вода для собаки была налита в хрустальную ладью.

– Приз зрительских симпатий. Малыша премировали на выставке, – пояснила Альбина Львовна, перехватив мой ошалелый взгляд.

Я подняла глаза на элегантную горку красного дерева. По сравнению с тем, что отсвечивало за стеклом синевой снегов в сумерках и золотом нарождающегося рассвета, толсто-стенная штампованная ладья действительно смотрелась миской для животного.

Мне почему-то захотелось, чтобы хозяйка манерно протянула в нос: «Остатки прежней роскоши». Или насмешливо бросила: «Супруг на мебельной фабрике трудился, а в выходные рухлядь восстанавливал». Или что-нибудь в этом роде. Во всяком случае, я еще не встречала людей, которые не пытались бы объяснить пораженному визитеру, «откуда дровишки». Но она молча сняла с головы тюрбан, стянула халат и осталась тщательно причесанной дамой в синем классическом платье из тонкой шерсти. Я с беспокойством взглянула на ноги Альбины Львовны. Они были обуты в кожаные лодочки на каблуке средней длины и толщины.

– Извини за то, что разоблачаюсь при тебе, Полина, – тихо сказала соседка. Вероятно, приглашение в святая святых предусматривало автоматический переход на ты. – Но выход на секунду в прихожую и возвращение в человеческом облике отдает театральщиной.

– В театральщине нет ничего предосудительного, – осторожно пискнула я.

– Да, да... Весь мир театр, и люди в нем актеры... Или ты обо всем этом? Похоже на декорации? – показала на интерьер плавным жестом экскурсовода хозяйка. – Я не привыкла выделяться из толпы. Посмотрела на женщин своего возраста и достатка и начала соответствовать. Чем меньше поводов трепать твое имя в пересудах ты даешь, тем крепче твое здоровье. Не так ли?

– Некоторых это стимулирует, – не согласилась я.

– Я не нуждаюсь в стимуляторах такого рода.

Меня потрясла не стоимость наполнявших квартиру вещей. Было ясно, что они покупались в ту пору, когда оценивались в копейки, считаясь символом ретроградства. Мама рассказывала о вынесенных на помойки старинных гарнитурах и заменивших их журнальных столиках на тонких круглых ножках, диван-кроватях и гибридах мягкого стула с жестким креслом. Она тогда была маленькой, и плакала из-за того, что бабушка не разрешала тащить в дом «красивые, будто кукольные» предметы чужой обстановки. Пленила меня бездна вкуса, скорее всего врожденного, и стоицизм, с которым его скрывали. Причиной могла быть и обычная боязнь ограбления, и годами формировавшаяся собственная философия. Я бы увлеченно докапывалась до этой самой причины, не висни камнем на шее просьба Измайлова.

– Присаживайся, Полина. Я организую чаепитие.

И лишь тогда я сообразила, что все еще держу в руках пакет с рулетом, а несносный Пончик нежится на своем роскошном ложе и не требует угощение. Как же ей удалось заставить собаку столь разнно вести себя в разных условиях? Ведь на улице этот негодяйствующий элемент, по словам выгуливавших его девчонок, не брезговал вынесенными дворнягам объедками и увязывался за каждым, кто ел мороженое. Я передала сладости хозяйке и испытующе уставилась на спаниеля. Он, не поднимая век, картинно перевернулся на другой бок. Феномен.

Мы с Сеовой переехали в этот дом два года назад. Поначалу я приняла Альбину Львовну едва ли не за ровесницу. Потом увидела ближе и дала ей лет сорок. И то лишь потому, что соседки трепались о пластических операциях, которым она время от времени себя подвергает. По-моему, никто не знал, каков истинный возраст одинокой дамы. Говорят, его выдают руки и шея. Но предательские части тела Альбины Львовны были в полном порядке. Я такие и у тридцатилетних видела. Чего только я про нее себе не напридумывала, участницей, каких тайных приключений не сделала. И сейчас чувствовала себя неудобно. Попробуй, побеседуй с женщиной, не имея представления, сколько ей лет. Был один проверенный способ. Старики, даже успешно молодящиеся, в разговоре постоянно стремятся из настоящего в про-

шное, вспоминая себя и свое окружение в возрасте собеседника. Может, Альбина Львовна тоже себя выдаст?

– Вот и я, Полина. Как ты относишься к естественным растительным отварам?

– Положительно.

– Тогда мой чай тебе понравится. А то люди пьют бурду и не понимают, почему в рекламах этот напиток воспевают, как ароматный и бодрящий.

Моя мама ставит на стол уже упомянутый фарфор, являясь воплощенным уважением к нему. Не к стоимости, но к его более чем полуторавековому существованию на свете, каким-то там особым формам и росписи, о которых перечитала гору книг. Альбина Львовна опустила солидный серебряный поднос с потрясающим чайным сервизом на старинное дерево без затей. Такое не сыграешь. Надо либо не знать цены своим сокровищам, либо оценивать себя неизмеримо выше и упиваться правом в любой момент разбить или поцарапать их и не заплакать.

– Кстати, Полина, прости мне мою черствость, до сих пор не справилась, как здоровье человека, которого ты третьего дня потчевала «Корвалолом»?

«Нормально, – подумала я. – Кто тут у кого сведения выуживает? Только не ври, Полина, будто сама его пила. До тебя ведь уже дошло, что ее на мякине не проведешь».

– Благодарю вас, Альбина Львовна, жизнь человека вне опасности. Вот так делишься с соседкой лекарством и спасаешь кого-то от смерти. Богоугодное занятие.

– Кому доподлинно известны требования Бога к людям? – улыбнулась она.

На миг мне показалось, будто хозяйка не прочь пофилософствовать. У меня правило: хочешь разочароваться в умном эрудите, дай ему высказаться про Бога, мироздание и загробную жизнь. С Альбиной Львовной я боялась не столько разочарований, сколько напрасной траты времени. Похоже, она мой деловой настрой уловила. И я о нем немедленно пожалела.

– Полина, – ласково произнесла дама, разливая душистую коричневую жидкость в белоснежные, насквозь просвечивающие чашки, – я никому не скажу, что ты прогуливалась по двору с юношей, которого позже убили.

– Точно с ним, Альбина Львовна?

Наверное, я нехорошо прищурилась, задавая вопрос. Но соседка была не из пугливых и тем же тоном ответила:

– Иногда я пользуюсь театральным биноклем, обозревая окрестности.

– Альбина Львовна, поймите правильно, если вы и скажете кому-нибудь о нашей прогулке, ничем, кроме лишних хлопот, мне это не грозит.

Мои глаза норовили выкатиться из орбит, но она не обращала внимания на жутковатую мимику. Вероятно, решила, что, пообщавшись с Женей, я уразумела, какая он мразь, и стесняться меня нечего. Совсем недавно я испытала острый приступ того же чувства, но постыдилась бы сообщать об этом малознакомой собеседнице. Альбина Львовна изволила коротко объясниться. Благодаря оптике она разглядела во дворе многое. Женины подручные собирали дань с младших школьников, били отступников, зажимали и щупали девочек в беседках, продавали наркотики. Но главным, чего она не собиралась прощать и мертвому предводителю всей этой младой сволочи, было глумление над Пончиком.

– Полина, – горячечно шептала она, – ведь человек может родителям пожаловаться, в полицию обратиться, уехать на другой край города, откупиться, наконец. А зверь совершенно беззащитен.

Я поматывала головой, как китайский болванчик, и кусала губы. Лохматый красавец Пончик был для нее всем, и осуждать ее за любовь я не имела права. Через полчаса мне удалось вклиниться в ее монолог о превосходстве животных над некоторыми людьми:

– Вы наверняка что-то разузнавали о Жене? Поделитесь. Я тоже никому не назову вас, как информатора.

О, она разузнавала! Задолго до его гибели пыталась прорваться в квартиру с приятельницей сектанткой, чтобы та исполнила свой миссионерский долг. Но мать преступника проехала матом по «чучелам с книжками» и смачно плюнула им вслед.

– Я хотела полицейскому полковнику со второго этажа все рассказать, – воскликнула Альбина Львовна, пуская мелкую слезу.

Возникла пауза. С минуту я ожидала более прямого вызова на откровенность. Мы с Виком соблюдаем основные правила конспирации, но шила в мешке не утаишь. Неужели людям уже надоело строить догадки, и они жаждут смотреть в бинокли в окно измайловской спальни? Однако Альбина Львовна собиралась не провоцировать меня, а всего лишь выморкаться. Затем продолжила:

– Но что сделает Виктор Николаевич с этой бандой? Они ведь и убить стаей могут. Поодиночке струсят, а кучей – пожалуйста.

– Альбина Львовна, – решила я, – а почему вы со мной это обсуждаете?

– Потому что газеты читаю. Ты кого только не хаяла. А с тебя все, как с гуся вода.

Признаюсь, такой оценки моих творческих потуг меня никто, кроме идеально державшей спину напротив перелицованной мадам, не устаивал.

– Так вы мне статью заказываете? – легкомысленно уточнила я.

– Заказывают, когда платят, – надоумила Альбина Львовна. – Ты, Полина, просто напиши, что с каждым, кто травит бессловесных тварей, разберется смерть.

Я смогла лишь взглянуть на Пончика. Аристократический кобель игрушечно восседал на ковре и сладко зевал.

– А насчет заказа.., – мечтательно протянула хозяйка. – Были бы деньги, я не статью, а всех дворовых пакостников заказала бы. Кто из них вырастет? Незачем и расти.

«Поздравляю, Полина, все-таки ты умная и проницательная, – похвалила я себя. – Никогда специально этой дамой не интересовалась, а чуяла, что она будет подсматривать в окно за выгулом Пончика, и что затаит ненависть к Жене за собачьи обиды навсегда. Ты тогда доводила до абсурда свою подозрительность по отношению к Антону и сочинила хохму про быстренько убившую мальчишку соседку. А она и впрямь, пусть в фантазиях, его умерщвляла. Интересно, сколько человек можно зарезать, если обратить в деньги хотя бы этот серебряный поднос и истратить их на киллеров? Боже, с кем бок о бок живем, с кем приходится ежедневно раскланиваться?»

Ситуация возникла настолько привычно-рабочая, что я пошарила рукой по дивану в поисках блокнота или диктофона. Опомнилась и профессиональным бесстрастным голосом приемщиц жалоб трудящихся сказала:

– Публикации не обещаю, но внимательно выслушаю вас, Альбина Львовна. Ошибаются те, кто полагает, будто при высокой преступности, инфляции, безработице преждевременно бить тревогу по поводу братьев наших меньших. Все надо делать параллельно.

Она даже зарумянилась от удовольствия, вслушиваясь в чудовищный штамп. Я вспомнила свою последнюю нетленку – не досталось майонеза, застрелился из обрезка – и горько признала, что регрессирую на глазах. Пока собственных, но это не утешает. Однако заниматься самобичеванием было некогда. Альбина Львовна, видимо одобвив дух грядущей статьи, резко приступила к повествованию.

Дама потрудились на славу. Она выяснила, что отец Жени в советском прошлом был большим начальником на заводе, потом повредился умом, не слишком долго просуществовал инвалидом и умер. Что мать, которая была гораздо моложе мужа, пошла работать в столовую, чтобы прокормить двух прожорливых сыночков. Но последние несколько лет, не достигнув пенсионного возраста, пребывала в «свободном полете», то есть с утра до вечера рассекала расфуфыренная по магазинам и парикмахерским и часто уезжала из города на неделю-другую. В ее отсутствие живущий отдельно старший брат навещал

младшего с компанией тертых обрюзгших мужиков. И Женя подгонял им на ночь малолеток. Дальше Альбина Львовна целомудренно перечислила суммы, ежемесячно выплачиваемые за газ и свет матерью бедовых ребят. Но я беззастенчиво полезла в самую грязь:

– Про малолеток поподробнее, пожалуйста. Полагаю, что квартплата не имеет прямого отношения к моральному облику.

– Не скажи, Полина. Есть наглецы, которые раскатывают на иномарках, а за квартиру годами не платят.

– Альбина Львовна, теперь это пройденный этап.

– И «жучки» в счетчики ставят, чтобы меньше платить.

– Все-таки о совращении.

Оказалось, что мотающиеся с Женей и его приятелями девочки только с виду школьницы и скромницы, а на самом деле ни них пробы негде ставить.

– А вот недавно завелась у Женьки какая-то нездешняя девочка, – задумчиво произнесла Альбина Львовна. – Ее видели, когда к себе вел. Щебетала, как птичка. И одета была скромно, красиво, не то, что здешние проститутки. А через неделю бабы слышали, как на балконе старший пьяно скандалил, требовал, чтобы ее к его друзьям брат привел. Тот не соглашался, причитал: «Она не такая»...

Будь у меня диктофон, я бы его выключила. История становилась обычной-преобычной. Измайлов должен был разобраться в ней в два счета. Райотдельщики в четыре. Но почему увязли? Альбина Львовна заметила, что я где-то витаю, и кашлянула. Чуткий Пончик тихо гавкнул. Да, с этой дружной парой отвлекаться не следовало.

– Вот я и думаю, Полина, не зарезали ли младшего из-за его несговорчивости? Те, кого старший на оргии привозил. Они, вроде приятели, а на поверку враги заклые.

Альбина Львовна выговорила последние фразы вяло, словно через силу. Я ей от души сочувствовала. Здорово было бы, если бы замахиваясь ножом, убийца раздельно произнес в перепуганное лицо Жени: «За сэра Пончика». А тут за несговорчивость какую-то жизни лишили. И вдруг мне будто шприц под лопатку воткнули и начали медленно вводить лекарство. Ощущение было столь явственным, что я задержала дыхание. Альбина Львовна как раз засуетилась с остывшим чайником, поэтому звуковых сигналов не последовало. Пончик тоже промолчал. У меня в голове вертелось: «Антон! Что-то не связывалось в объяснении его присутствия во дворе. Возраст? Ему двадцать два, на таких мелкие шавки вроде Жени в светлое время суток кидаться остерегаются. Хотя выглядит он моложе своих лет. И, как это он, провожая девушку после дискотеки, то есть поздно, проскочил, а днем нарвался? И была ли девушка? То-то у меня сложилось впечатление, что о территориальных разборках он знает не понаслышке, но выдает несколько устаревшие сведения. Опять мимо. Описанный соседкой промысел местной гоп-компании во главе с Женей как раз и иллюстрировал рассказ Антона. Тут другое. Жене было шестнадцать, сестренке Антона примерно столько же. Не она ли влюбилась в хулигана? Не случилось ли с девочкой худшего? Женя посопротивлялся, посопротивлялся, да и отдал ее друзьям брата на поругание. После смерти матери Антон годы тянул семью. Наверняка сестра ему дорога. Мог ли он из-за нее пойти на убийство?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.